

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН

СТРИПТИЗ

ДАРЬЯ БЕЛОВА

Дарья Белова

Стриптиз

<https://litres.ru/74208063>

Аннотация

18+

- Имя? - голос грубый. От его вибрирующей глубины мурашек на теле становится больше. Олег оценивает мое падение, мой парик, как-то кривит губы, опускает взгляд на грудь. - Нинель, - говорю очень тихо. Мой страх сковывает горло. - Танцуй давай. Посмотрим, на что способна. - Его обращение режет по живому. Взгляд сильно жжет. Хочется кричать, чтобы прекратил. Но так на меня смотрит мой первый мужчина и моя первая любовь. Человек, в которого я влюбилась с первого взгляда. Это было пять лет назад. А сейчас я собираюсь танцевать стриптиз в его клубе, ведь мне очень нужны деньги.

#властный и жестокий герой #испытания #нецензурная лексика

♥#♥#♥#История Игната - "Любовники"♥#♥#♥#

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	15
Глава 3.	24
Глава 4.	35
Глава 5.	46
Глава 6.	55
Глава 7.	64
Глава 8.	75
Глава 9.	92
Глава 10.	100
Глава 11.	111
Глава 12.	120
Глава 13.	129
Глава 14.	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Глава 1.

*- Имя? - голос грубый. От его вибрирующей глубины мурашек на теле становится больше. Олег оценивает мое падение, мой парик, как-то кривит губы, опускает взгляд на грудь.
 - Нинель, - говорю очень тихо. Мой страх сковывает горло.
 - Танцуй давай. Посмотрим, на что способна. - Его обращение режет по живому.
 Взгляд сильно жжет. Хочется кричать, чтобы прекратил. Но так на меня смотрит мой первый мужчина и моя первая любовь. Человек, в которого я влюбилась с первого взгляда. Это было пять лет назад. А сейчас я собираюсь танцевать стриптиз в его клубе, ведь мне очень нужны деньги.*

История Олега и Нины. Добро пожаловать, кто заглянул :) Не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не потерять!

Глава 1.

Нинель.

Паркуюсь недалеко от запасного выхода. Это всего лишь черная, но тяжелая и металлическая дверь и немного разрушенная лестница. Ну и приклеена большая наклейка “Слу-

жебный вход”. А с другого торца здания яркая и мигающая вывеска нового клуба “The Deux”.

Руки леденеют, под кожу пробирается холод, хотя на улице тепло. Смотрю на эту дверь, надпись, и возникает просто безумное желание сбежать отсюда. Это не мое место, чувствую.

Трясущимися руками проверяю время на телефоне. Вижу пропущенный. Куколка. Моя подружка. Улыбаюсь, вспоминая, как в прошлую смену обсуждали мужиков в клубе.

- Ты звонила, Куколка.

- Ты как? - голос сонный.

Легкая зависть расплзается. Я бы не отказалась сейчас снова прилечь хоть на чуть-чуть. Устала, смертельно.

- Терпимо. Собиралась все утро. Для человека, который проспал меньше трех часов - это подвиг.

- Так что за клуб? Ты и не рассказала ничего толком.

Жмусь. Не уверена, что стоит говорить. Куколка замечательная, но именно в том месте, где и работает сейчас.

- Клуб как клуб. В центре столицы. Новый, и уровень намного выше, нежели в том месте, где мы танцуем.

- Танцевали, - поправляет.

- Точно. Танцевали.

- Звучит сказочно.

Есть одно “но”, которым не хочу делиться даже с ней. Заведение под красивым названием “The Deux” - стрип клуб. Стыдно. Я же не стриптизерша, просто девушка, которая

танцует у шеста. На мне раньше была хоть какая-то одежда. Здесь же так не получится. Если, конечно, примут.

Куколка приободряет меня, теплые слова говорит, придает уверенности. То, чего не хватает. Потому что чувствую себя сейчас жалкой. Словно падаю ниже и ниже. И просвета не вижу. Только красные портьеры, много выпивки и страшных мужиков, которые обшлюнявливают твоё тело взглядом.

- На прослушивание? - здоровый амбал встречает за черной дверью. Неприятный на внешность тип. Ноль эмоций на лице, а голос такой грубый, что не хочется вступать с ним в диалог.

Просто киваю.

- Тогда прямо до конца и налево, - сказал он и потерял ко мне всякий интерес. Такие, как я, проходили сотнями мимо него.

Коридор длинный и темный. Медлю. Мне неудобно.

- Страшно? - амбал усмехается. Его улыбка становится сальной. - Да ты не бойся, девочка. Тут не едят таких цыпочек днем. Только ночью.

И снова гадкая ухмылка. Разве можно это делать еще мерзостней?

Мне вновь холодно и зябко. В сотый раз прогоняю в голове мысль, что можно придумать что-то другое, найти выход из положения иными способами.

Шаги делаю маленькие, иду медленно. Противный голос кричит, нет, вопит, чтобы развернулась и бежала отсюда сло-

мя голову. Интуиция мигает красной лампочкой - опасно! убьет!

Но не слушаюсь. Никогда не слушалась.

Пахнет в помещении приятно. Не то духи, не то хорошие ароматические палочки. Располагают и, как бы это сказать, раскрепощают. Приятное покалывание чувствую на коже от сладковатых нот.

В помещении достаточно темно. Горят только несколько точечных светильников. Насчитываю шесть девчонок. Кто-то бесцельно переминается с ноги на ногу, кто-то зависает в телефонах. И абсолютно все часто вздыхают. Они выглядят спокойно. Скорее всего, уверены в своих силах. Мне же становится не по себе с каждым сделанным шагом.

- Привет, - первой здороваюсь.

На меня не обращают внимания. Мы здесь конкуренты, в эту самую минуту. Вспоминаю университет, много бывших школьников в таком же длинном коридоре и списки поступивших. Меня среди них не было. Конкурс оказался большим, а я, получается, не такая умная, как требовалось.

Теперь мне не только страшно, но еще и одиноко. Мысль набрать опять Куколке множится. Чувствую себя чужой здесь.

Нахожу укромный уголок. Там же рядом кресло. Нужно переодеться. И туфли. Родные и любимые. Сколько я в них крутилась - не сосчитать.

- Привет! - довольно милая девушка с крупными и свет-

лыми локонами. Интересно, парик? На мне - да. Жгуче-черный, каре. Как у Вики Бэкхем. Увидела его в магазине и не смогла пройти мимо. - Я Астра. - И протягивает мне руку. Красивая женственная ладонь с аккуратным бордовым маникюром. Пожимаю. Как-то странно. От нее не веет соперничеством. Расслабляюсь ненадолго. Такие ничего не значащие реплики вообще разгружают от тяжелых мыслей.

- Это имя? Или псевдоним? - теряюсь.

- А сама, как думаешь?

Робко улыбаюсь.

Выступать на сцене под реальным именем можно, но скучно. Потому что в свете прожекторов это не ты вовсе. Другая часть тебя, что может позволить себе большее. Хоть на чуточку. И хочется быть там другой. Творить то, что в обычной жизни не сможешь. Это запрещено, сладко и возбуждающе приятно. Но если на тебе хоть клочок ткани.

- А ты? - Астра рассматривает меня, пристально.

Думаю пару секунд. Почему-то брать прошлый псевдоним не хочу. Он изжил себя. А новый...

- Нинель.

- Интересный вариант, - Астра подмигивает. - Первый раз?

- В стриптизе? Да, - зачем-то отвечаю откровенно. Тут моя правда никому не нужна. А потом осознание накрывает ледяной волной. Тяжело принять, что согласилась. Внутри уже согласилась, - а ты?

- Не совсем. Было пару раз. На корпоративах.

- И что? Понравилось? - превращаюсь в слух. А вдруг это классное чувство? Вдруг мне тоже понравится, когда десятки мужчин посмотрят на мое голое тело и захотят его потрогать? Если это ... будет мне в кайф?

Она ведет плечами. Прямого ответа нет. Гадай сама, как говорится.

Достаю маленькое зеркало. Рассматриваю себя, насколько можно при этом свете. Парик на месте, так с ходу и не скажешь, что это он, яркие глаза, яркие губы. И линзы карие, практически черные. От настоящей меня ничего и не осталась.

Только каждой клеточке страшно. Показать себя страшно, видеть свое отражение в глазах чужих страшно. Застываю в испуге и шумно сглатываю.

- Ты красивая, - Астра не перестает меня рассматривать. Мажу по ней взглядом. Ее внимание сейчас кажется лишним, немного назойливым.

- Спасибо, - скромно и тихо отвечаю. Когда уже начнет-ся это самое прослушивание или просмотры? Как хоть правильно? Мысли дурные в голове, от них мутит.

Остальные девчонки стоят поодиночке, ни с кем не переговариваются. Нет, конечно, подругу здесь точно не встретишь, но я и не стремлюсь.

Волнение нарастает. Время тянется, а в зале тишина. За нами словно кто-то наблюдает со стороны. Тест на стрессо-

устойчивость. Постоянно поправляю пряжи, заправляю их за ухо, отстукиваю ногой. Мне претит находиться здесь. Рассматриваю все вокруг, понимаю, как пошло выглядят красные портьеры. Мне не нравится. Будто попала в дешевый порнофильм. Все внутренности все еще сопротивляются моим действиям.

Смотрю на телефон. Мне нужно освободиться через час. Я Аленке пообещала сегодня поехать в парк на аттракционы. В прошлые выходные она ездила туда с бабушкой, моей мамой, и ей показалось мало. Аленке четыре. И она моя дочь. Наверное, только с ней и чувствую себя живой. Смеюсь. Искренне. Радуюсь. Тоже искренне. Мой лучик, за который все на свете отдам. Даже свою честь и достоинство, что еще нет да нет, но проявляются в самых неподходящих ситуациях. У стриптизерши они вообще есть?

В зале включается свет. Щурюсь, пытаюсь сфокусировать взгляд на вошедшем человеке. Не люблю такие резкие смены картинок перед глазами. Сразу чувствую себя уязвимой.

- Добрый день, девушки. Меня зовут Игнат. Я менеджер "The Deux", - он потирает ладони. Сам высокий, темненький, улыбка привлекательная. Типичный представитель своего рода. На таких девушки ведутся, а потом обжигаются, - попрошу Вас сейчас подойти и заполнить небольшую анкету. Там ничего сложного, просто нужно ответить на вопросы и написать небольшой рассказ о себе: кто вы, чем занимались до того, как прийти сюда, рост, вес и так далее. А потом

приступим к просмотру.

Заполняю быстро. Руки трясутся, почерк вышел несуразным и кривым. Хочется скомкать и выкинуть смятый бумажный шар. Уйти с гордо поднятой головой. Только что-то все-таки останавливает.

Астра села рядом и напевает себе песенку. Губу закусил, ногу на ногу положила и стреляет в этого Игната своими синими глазами с длиннющими ресницами. Немного даже завидую ее такой легкости. Нам предстоит раздеваться на сцене, полностью. Меня тошнит, а она улыбается.

Первой выходит девушка с именем Зарина. Тоже темненькая, на ней множество портупей, а сверху обычная мужская рубашка. Выглядит сексуально и возбуждающе. Под музыку она начинает закручиваться у шеста. Умело, видно проработанные мышцы, как становится единым целым с простой металлической конструкцией. А потом раздевается. Медленно, посылая открытые улыбки в зал - нам. У нее получается все легко. Видно, оголялась не первый раз. Я же хоть и танцую, но в стриптизе полный дилетант. Руки потеют, сама на нервах. Мне и жарко, и знобит одновременно.

Дышу часто. Сейчас мне предстоит раздеться на публику. Если возьмут, буду обязана делать это каждую свою смену. Трясет сильно. Моя грудь будет открыта, так я буду ходить по залу, соблазнять и раскручивать толстые кошельки на приват. Мороз прокатывается по коже.

- О, я следующая, - Астре уже не терпится. Снова завидую

ее легкости. Да она радуется!

А меня сковывает. Деревенею, что сделать шаг невозможно. И если это состояние не пройдет через несколько минут, смысла выходить на сцену нет.

Ладонями тру бедра, чешу шею. Движение навязчивые, нервные. Внутри все рвется от перенапряжения.

Астра танцует быстро, зазывно. Будь я на месте мужчин, непременно бы уединилась с ней в отдельной комнате. Да и фигура у нее, что надо.

- Нинель, - выкрикивает мое имя Игнат. А я словно в тумане. Все пыльно вокруг, ни единого просвета и блика. Темно, душно и страшно.

Поднимаюсь со своего кресла. Походка неровная, спотыкаюсь. На таких высоких каблуках тяжело, хоть и привыкаешь со временем. В спину летят смешки, кто-то присвистывает. Резко оборачиваюсь. Мне остро хочется сбежать и укрыться. Действия, противоположные тому, что мне предстоит.

- Ты никогда не танцевала? - голос Игната слышится раздраженным. Злюсь на него за это. И на себя за свою слабость и неуверенность.

- Стриптиз - нет.

- Может, не стоит и пытаться? - ухмыляется еще. А я иду вперед. Туда, на сцену, под яркий свет, который обнажит мое тело до каждого миллиметра. Стараюсь взять себя в руки. Получается плохо. Руки потеют, скользят вдоль шеста. Дви-

жения становятся неуклюжими. И это выбешивает.

Прикрываю глаза. Представляю, что я здесь одна, в этом помещении, и меня никто не видит.

Плавно двигаюсь, огибаю шест. Движения простые, но уверенные. Отрабатывала годами, даже учила какое-то время.

Закручиваюсь, показываю свою превосходную растяжку - надо же продемонстрировать все свои умения, так?

Становится проще, руки слушаются, ноги цепляются крепко за шест. С каждой секундой отпускает, легчает. Я снова чувствую свое тело.

Сквозь музыку слышу, как с шумом открывается дверь напротив сцены. Так громко, что вздрагиваю. Маленькая пауза в моей импровизации.

Высокий человек движется в мою сторону. Он не доходит до меня, садится рядом с Игнатом. Вальяжно, уверенно, даже слишком. И пронзает меня взглядом. Жестко и на поражение. Между нами пара метров, а он стрельнул в десятку на расстоянии.

Цвет глаз сейчас неразличим, но я помню, что они у него красивого орехового оттенка. Губы мужские, густая щетина на лице - давно не брился - и недовольный взгляд.

Вся легкость, что с таким трудом выковыривала из себя, улетучилась, будто и не было ее вовсе. Жар устремляется от сердца к каждому уголку тела. И души.

Вспоминаю нашу первую встречу. И больно.

Вспоминаю наш секс. И больно. А потом ярко и грязно.

Вспоминаю наше расставание. И хочется сдохнуть. Вот тут и сдохнуть.

- Олег, привет, - Игнат протягивает ему руку. Тот ее пожимает. Уверенно и как хозяин всего, блять, мира, - мы только начали. Дамы, это Олег Ольшанский, владелец заведения, - представляет он вновь прибывшего.

Падаю, слегка подвернув ногу. Музыка ставится на паузу, а мне не терпится провалиться сквозь землю. Стыдно, страшно, одиноко. Все это внутри и рвется наружу. Хочется плакать, кричать и бить. Его. А потом снова прижаться к его губам - горячим, жестким. Как в последнюю встречу.

Олег оценивает мое падение, мой парик, как-то кривит губы, опускает взгляд на грудь. Я еще в каком-то ужасном топике, и хочется прикрыться. Мне кажется, я покрываюсь нездоровым румянцем.

Так на меня смотрит мой первый мужчина, моя первая любовь. Человек, в которого я влюбилась с первого взгляда, хоть тот и просил этого не делать. Он женат, и у него есть дочь.

И было это пять лет назад. Я все помню, словно это было вчера. Хороша, выходит, встреча. Я собираюсь танцевать стриптиз в клубе, а он владеет этим клубом.

Глава 2.

Мы смотрим друг на друга не отрываясь. И не моргаем вовсе. Сердце только рвется из груди. Отчаянно.

Воздух стал тяжелым и горячим. Мне физически тяжело сделать вдох. Обжигает легкие.

Олег прищуривается и склоняет голову вбок.

Не двигаюсь, так и лежу на полу. У шеста. На мне экстремально короткие шорты, можно спутать с трусами. И дурацкий красный топик на кнопках. Он едва прикрывает грудь.

Ольшанский рассматривает меня. Пристально. Чувствую себя мелкой букашкой под микроскопом. Еще немного, и меня погрузят в формалин. Я погибну, но буду украшать чью-то стену.

- Имя? - голос грубый. От его вибрирующей глубины мурашек на теле становится больше. Они колючие. Любое прикосновение к коже противно мажет и царапает.

- Нин... - говорю очень тихо, самой от этого становится стыдно. А громче сказать сложно. Мой страх сковывает горло.

Наш первый разговор после эпичного расставания. Я представляла его другим. Все же в мыслях продумывают диалоги с теми, кого любили, чтобы потом случайно встретиться на улице и высказаться?

Делаю глубокий вдох, выдыхать стараюсь тихо. Не хо-

чу выдавать волнение, которое заполнило каждую клеточку сверху до низу.

- Нинель, - говорю чуть громче. Хочется уверенности. И удачи. Сейчас она как никогда мне нужна.

Олег забирает мою анкету у Игната. Все пары глаз, что в зале, молча наблюдают. Чувствую как загорается кожа, когда внимание переключают на меня, а потом холодные волны, когда оставляют в покое.

- Ты ни разу не работала в стриптизе, - раздраженный голос, раздраженный взгляд. Сам он весь пропитан этим самым раздражением.

В эту самую минуту я слабая и беззащитная. Чувствую ком в горле, и хочется плакать.

Помню, как согревалась рядом с ним. Мне было так хорошо, словно попала в сказку. И поцелуй его... такое не забыть. Они проникли под кожу, закрепились там, и никакими раскаленными щипцами их не вытащить. Не вытравить и не стереть. Просто тупик.

- Не работала.

- Образования профильного... - делает паузу. Стреляет глазами. Так остро, что душа начинает кровить.

- Нет, - заканчиваю я за него.

- Вообще образования нет, я смотрю.

- Это проблема? - смелею.

Он странно хмыкает. Ореховые глаза огибают мое тело, останавливаются на лице и пристально вглядываются в крас-

ные губы. Облизываю их.

Его взгляд сильно жжет. Хочется кричать, чтобы прекратил.

- Грудь сделанная? - взгляд опускается на красный топик. В зале прохладно. И я знаю, что видны очертания сосков сквозь тонкую ткань.

- Да.

Спустя год после родов я решилась на операцию. Мое тело - это мой инструмент.

Мама тогда долго выносила мне мозг. Это вообще ее любимое занятие. А еще травить меня, унижать, сравнивать с более достойными и правильными девушками. Ведь они зарабатывают деньги честно и порядочно. Не то что я, крутюсь у шеста.

- Парик? Или свои такие, - ведет бровями и гадко ухмыляется.

Господи, когда же это закончится? Меня всю трясет от злости, негодования и страха. Пытка, на которую сама и подписалась.

Но стоит представить улыбающееся лицо дочери и вспомнить, зачем я здесь...

- Парик.

- Снимай. Хочу посмотреть, какая ты, - голос пропитался медом. Но не перестал вибрировать.

Вскидываю идеальную бровь. Звучит пошло. Вспоминаю эту его фразу, сказанную в другой обстановке и в другое вре-

мя. Горячий шар прокатывается по нервам, щекочет и возбуждает.

- Нет, - смелею еще на градус.

Безумно хочется, чтобы он узнал меня, но и противлюсь этому желанию изо всех сил. Меня рвет на части и разбирает в разные концы этого зала.

Ольшанский снова странно хмыкает. И улыбается. Боже, он улыбается! Или все-таки скалится?

- Что ты здесь забыла, девочка? - все-таки улыбка. Вижу его идеальные белые зубы. А следом проносится картинка, как он слегка зажимал ими мои соски до приятного покалывания. Хочется провести по ним ладонью, стереть эти яркие ощущения.

Его обращение режет по живому. Не хочу верить, что вот его, такого, я любила, отдавала себя полностью. Хотя и знала, что нельзя. Не оценит ведь.

- Если скажешь, что ты пришла за легкими деньгами, можешь собирать свои шмотки и валить на хер. Этого бреда я наслушался. Так что подумай, перед тем, как ответить.

Хочется ругаться и бить. Потом упасть от бессилия и повторить все по-новой. Его жестокость и бескомпромиссность такая острая, как лезвие. Царапает скоро, но глубоко. Рана кровит, не затягивается. Я чувствую себя жалкой.

Пару лет назад Алене поставили астму. Несколько месяцев она проводит с бабушкой на море. Это облегчает ее состояние. Поэтому мне нужны эти деньги. Много и быстро.

- На учебу. Вы же сами сказали, что у меня нет образования.

Ольшанский наконец встает со своего места. Звук его шагов разносится эхом по помещению. Я перестаю дышать. Перед глазами все расплывается, картинка становится мутной, а тошнота сильной.

В нос ударяет его парфюм. Он его сменил. Раньше Олег пах мятой. Она освежала и дарила спокойствие. А теперь горький табак со сладкими нотами и что-то жгучее, обжигающее нутро, мужское. И этот аромат вцепляется в мои легкие до остервенения цепко.

Он подает мне руку, помогает встать. Я ведь так и осталась сидеть на полу. Не могла пошевелиться, тело парализовало.

Меня простреливает от его касаний. Шумно вбираю воздух. Резко. Воспоминания проносятся табуном перед глазами: улыбки, касания, шепотом сказанные нежности, развратные позы, ссоры и яркие, рвущие все тонкое на лоскутки, взгляды.

- Учеба, говоришь... - между нами нить. Она натягивается до предела. Пока я не опускаю взгляд свои на руки. Ладони сжала в кулаки. Больно. - Танцуй давай. Посмотрим, на что способна.

И отходит на свое место.

Удары сердце громкие. Бахают в моем теле, что эта вибрация чувствуется даже на кончиках пальцев на ногах.

Вижу, Астра машет мне рукой. Вроде как подбадривает.

Остается хрупкая надежда, что мы не станем соперницами. Она все-таки мне понравилась.

Про себя считаю секунды. Снова пытаюсь представить, что я одна. Хотя внутри все трепещет, разрывает миной на осколки. Мой личный ад. Он творится внутри, но наружу его выпускать нельзя.

- Можно музыку с начала? - прошу я.

Она начинает играть, а я силюсь превратиться в ту Нинель, которой нужно заработать деньги вот таким способом. Раздеться, соблазнить и станцевать.

Глаза прикрыты, двигаюсь на ощупь. А потом широко распахиваю их и впиваюсь в Ольшанского взглядом. Вижу только его очертания. Но мне кажется, что его глаза горят огнем. Представляю это. И танцую для него.

Извиваюсь, маняще играю бедрами.

Смотрю в самую глубь, стараюсь прожигать его взглядом, как и он меня. Вкладываю и страсть, и ненависть, что плещутся внутри.

Медленно расстегиваю кнопки на топике. Все остальные перестали существовать. Есть только я, Нинель, и мое прошлое, что пахнет мятой. Трогаю свою грудь и играю с сосками. Зазывно и приятно. Простреливает, я чувствую легкие волны возбуждения внизу. Меня ведет только от моих рук и его тяжелого взгляда.

Прохлада на коже сменяется жаром. Она пылает. Уверена, если провести рукой, можно почувствовать испарину.

Олег глазами исследует мое тело. На мне остались только трусики, которые мало что скрывают.

И танцую, словно он - единственный зритель. Глажу себя рукой, снова обвожу грудь, тереблю соски. Рука движется вниз и касается лобка и проходит дальше. Готова издать свой первый стон, потому что понимаю, что распалила огонь внутри себя.

Возбуждение прокатывается по нервам. Покалывает, а тело подрагивает.

Его взгляд ловит каждое мое движение, каждый взмах и взгляд.

Хочется подойти и попросить потрогать меня. Везде. Мое тело кричит об этом.

Олег дышит часто, его грудь вздымается. Ладони сжал в кулаки.

Игра, в которую я нас втянула. Специально. Мне хотелось это сделать, увидеть желание в нем, огонь.

Дразню его. Маню указательным пальчиком. Смелею настолько, что и правда превращаюсь в стриптизершу Нинель. Ей можно так делать - провоцировать. А настоящей Нине нельзя. Его касания погубят и утопят.

- Это все? - кричит он?

Не понимаю. Ему нравится, он возбужден. Только не сознается, что на крючке.

- А что еще хочешь? - голос слегка дрожит. Чувствую как горю под его взглядом.

- Раздевайся полностью, - шипит. Понимаю, что он хочет меня. Взгляд скользит по мне, а сам он на грани. Вижу, как сглатывает слюну и как дергается его кадык. Я завела его, соблазнила. Но останавливаюсь. Теряюсь. Не готова. Ко мне возвращается стыд и стеснительность. Возбуждение сходит, словно и не было вовсе. Стою на сцене в одних трусах. Уставилась на Ольшанского и готова разреваться.

Жалкая попытка. Я сама чувствую себя падшей и грязной. То, что сейчас произошло на сцене неправильно.

Музыка прекращает играть. Цепляюсь за шест как за спасение. Иначе упаду.

- Нет, - говорю громко.

Он только ухмыляется.

- А если на привате попросят, м? - смотрит исподлобья. Холодок пробегает по спине. Обхватываю себя руками, прикрываюсь, пусть это и не к месту сейчас выглядит.

Олег ведет плечами, расстегивает пару верхних пуговиц. Ему жарко. Этого не заметит только слепой.

- Не буду, - упрямо заявляю.

- Это твоя работа, - Ольшанский не отстает. Давит. И словом и взглядом. Я правда букашка, которой безумно страшно.

- Я... не хочу, - скатываюсь на жалобный стон. Слезы вот-вот задушат меня. Хочу скрыться быстрее, убежать. Потом уткнуться в подушку и разреваться. Мне больно, обидно. Ощущение уязвимости разрастается изнутри.

- Вот ты... упертая. Свободна, - и смахивает мой образ, как картинку. - Следующая.

Глава 3.

Домой добираюсь только к обеду. Измотанная и уставшая, словно отпахала несколько смен подряд. Ноги налились свинцом, руки не слушаются. До сих пор колотит от пережитого.

- Ну и ладно... что, я больше нигде работу не найду? - успокаиваю сама себя. Хотя внутри все плескается от негодования и обиды.

Уже из коридора слышу запахи вкусного обеда и детский сладкий смех. На душе теплеет, все проблемы кажутся мелкими.

Аленка услышала, как хлопнула входная дверь. Бежит ко мне и бросается в объятия.

Понимаю, что сделаю все, лишь бы мое чудо не болело, и все у нее было хорошо. Если потребуется, и станцую, и покручусь у шеста, и разденусь. Только бы деньги заработать и дочь вылечить.

- Мам, - протягивает она. Голосок елейный, уже знаю, что начнет что-то выпрашивать, - а мы едем в парк? На качели там, карусели?

Глаза красивые у нее, ореховые. И такие теплые. Всматриваюсь, и тепло это переливается в меня. Люблю ее до беспамятства.

Помню, как узнала о наступившей беременности. Шок,

непринятие, тотальное безразличие. А еще море слез, обвинения матери в моей беспечности и желание заснуть навечно. Чувствовала себя хрупкой веточкой на ветру. Ее метает из стороны в сторону, сильно так, беспощадно, а оторваться никак не получается.

В то время я работала официанткой в каком-то баре. Зарплата мизерная, нагрузка адская. И тяжелое расставание с любимым мужчиной в прошлом.

Я была молода, неопытна и верила в любовь.

Но, наверное, все-таки что-то хорошее сделала в жизни, раз моя незапланированная беременность проходила легко. Я летала практически до девятого месяца. Менеджер в кафе разрешил снизить мне нагрузку, при этом как-то договорился с управляющим, чтобы зарплату оставили нетронутой. Гроши, но все мои.

И роды. Стремительные и практически безболезненные. Подарок, не иначе. Моя дочь это вообще подарок. Не устаю благодарить за нее Бога. Ну и нерадивого отца.

- Что, пришла твоя мать-кукушка? - голос моей матери звучит ржавым гвоздем по тонкому металлу.

Стреляю глазами, потом закатываю их и недовольно вздыхаю. Общий язык со своей мамой я уже даже и не стараюсь найти. С самого детства она пыталась вылепить из меня ту, которой я быть не хотела.

Когда я случайно забеременела, мама перестала со мной нормально общаться. Только упреки, претензии и выедание

мозга. В еще большем объеме нежели раньше.

Мне было болезненно слышать те слова от нее. Потом появилось легкое безразличие, что иногда сменялось раздражением. Но сердце ныло, а сама я хотела родного тепла.

Хорошо, что с Аленкой помогает. Пожалуй, только за это и стоит ее поблагодарить.

- Как время провели? - голос нейтральный. Буря внутри после прослушивания потихоньку проходит. Остаются только отголоски злости и обиды. О моем позоре хочу забыть.

Ольшанский провожал меня взглядом до двери. Не отрывался, прожигал насквозь. Это была какая-то ярость, смешанная с возбуждением. Я ловила эти волны. Но мне они нравились. И хотелось что-то сделать напоследок. Что-то дерзкое, запоминающееся.

Я подмигнула ему, перед тем как скрыться за дверью. Теперь жалею.

В груди колотилась мышца. Ее называют сердце, но тогда это был просто насос по перекачки крови. Такой шумный, дикий, что вот-вот взорвется от перенапряжения. Было дико больно.

- Алена все утро страдала, что хочет к маме. Ты же обещала ей сходить вместе в парк. Вот она и болтала без умолку, - мама редко смотрит мне в глаза. А если и переглядываемся, то пару секунд, не больше.

Всю жизнь я хотела узнать, что значит материнская забота и поддержка. Как это, когда мама обнимает и целует в ма-

кушку? Желает спокойной ночи. Любит, в конце концов. Потому что этого ничего у меня не было.

Я дико боялась упустить это со своей дочерью. Не простила бы себе, если бы превратилась в того, кто стоит сейчас на кухне и так громко складывает чистую посуду, что закладывает уши.

- Сейчас переоденусь и мы с ней поедem, - делаю паузу.

Разговоры с матерью всегда давались с трудом. До сих пор помню, как сообщила ей новость про беременность и ее обзывательства в мой адрес. Горько становится. Чувствовала себя маленькой и никому не нужной девочкой. И до сих пор это ощущение меня не покидает.

- Как у тебя дела, мам? - спрашиваю тихо. Все еще боюсь. Чего-то боюсь. Но сама не могу ответить на этот вопрос - чего же именно я боюсь? Ее ответов? Ее строгого голоса? Или молчания, которым она меня иногда наказывала?

- Дела... дочь моя проститутка. Ночами где-то шляется.

- Я не проститутка, - еще тише, практически шепотом.

Хочется плакать. Ее слова - пощечина для меня. Хлестает, и жжение расплзается по щеке.

- А кто ты? Посмотри на себя! Парик, красные губы, яркие глаза. Одежда вся твоя... Проститутка и есть.

Бью кулаком по столу. Невыносимо это все выслушивать. Хочу поддержки, потому что сейчас она как никогда мне нужна. Я одинока. Безумно.

- Это все образ, как ты не понимаешь?

Она только смеряет меня гнилым взглядом. Я опускаю взгляд и пячусь к стене. Превращаюсь в комочек.

- Иди к дочери. Смой только с себя все это, - кричит она, когда я уже выбежала с кухни, - а то Аленка пугается.

Врет. Дочка никогда меня не боялась и не пугалась.

Захлопываю дверь в ванной и медленно опускаюсь вниз.

Наконец-то плачу, даю волю слезам.

Мой первый мужчина сегодня меня не узнал, унизил и прогнал, а мать обозвала проституткой.

Я раздевалась в зале, гладила себя, сексуально выгибалась.

Что еще хотите знать о моей жизни? Что часто вою в подушку от бессилия и обида? Или что до остервенения желаю все закончить, только не могу? Жду любовь, но перестала в нее верить, глядя на то, как мужчины ласкают тебя взглядом, когда на безымянном пальце сверкает обручальное кольцо. Ярко еще так, будто зазывает в свои сети. Обманывает.

Подхожу к зеркалу. На меня смотрит не молодая двадцатипятилетняя девушка Нина, а стриптизерша Нинель. Стоп, в стриптиз меня тоже не взяли. Моя первая любовь попросила снять трусы, а я отказалась. Вот и закончилась моя несостоявшаяся карьера в стрипе.

Мерзко стало от этого воспоминания. Столько пар глаз меня рассматривали, оценивали и чего-то ждали. А я не смогла.

Снимаю парик и на плечи каскадом падают светлые пря-

ди. Забираю их в хвост. Линзы кладу в контейнер. Теперь глаза привычного голубого оттенка. И макияж. Несколько взмахов ватного диска, и кожа чистая и свежая. Хочется улыбнуться своему отражению. Но не получается. Тоскливо.

Слезы беззвучно катятся по щекам. Даю себе несколько минут успокоиться. Время пожалуйть себя еще будет. Мне пора выходить к дочери. Она ждет.

Аленка уже готова. Любимые голубые штаны и такая же голубая кофта. Осталось найти корону Эльзы и ее образ будет готов. В груди щемит от мягкой нежности к этому чуду. С ней я чувствую капельку счастья на губах.

- Я так понимаю, ты уже готова, да, принцесса?

- Эльза. Меня теперь зовут Эльза, - она хитро улыбается. Ее ореховые глаза наполняются лукавством - не откажешь ни в одной ее прихоти.

- А принцесса Эльза будет делать прическу? - морщит носик.

У Аленки густые русые волосы с золотистыми переливами. Они выются, а у ушек забавные завиточки.

- А можно так? - она часто моргает и делает щенячьи глазки. Ангел, не иначе.

- Давай хотя бы хвостик? М? Или два?

Аленка долго думает. Театрально приставила пальчик к подбородку и медленно стучит по нему. Решает что-то.

- Ну? Один? Два?

- Давай... два.

Заплетаю быстро. Аленка еще головой вертит из стороны в сторону, не получается у нее ровно сидеть. Хохочет, что-то рассказывает, не забывая восхищаться.

И я с ней вместе смеюсь. В эту самую минуту мне хорошо. Я - мама.

- Ты знаешь, а мне сегодня снилось, что к нам пришел папа, - торможу, движения поставлены на паузу. В комнате резко становится холодно, - он подошел ко мне и обнял.

Воспоминания тех дней черные и уродливые. Я была на дне. И мне казалось, что выхода нет. Душу жгло, а сердце перестало биться.

Пролистываю это перед глазами, хочется смахнуть и нажать кнопку "удалить".

- А давай я тебя обниму? Хочешь? - голос подрагивает. Закусываю губу, терзаю ее, до крови царапаю зубами тонкую кожу.

- Мам? - шепчет мне ушко, - а папа правда никогда-никогда к нам не придет?

Так хочется ей сказать, что нет, это неправда. Он обязательно придет. Обнимет, как Аленка того желает. Все будет замечательно. Но вместо этого позорно мотаю головой. И смотрю в ореховые глаза, что покрываются прозрачной пленочкой - она плачет.

Обнимаю ее крепко, прижимаю. Дарю ту любовь, которую мне не хватало в детстве. Да что в детстве, мне и сейчас ее не хватает. Жутко, безумно, яростно.

- Если мы сейчас расплачемся, то глаза у нас будут красные. Нам нужно будет успокаиваться. А время идет... ты же хотела на карусели кататься? - стараюсь придать голосу бодрости. Хотя ее и в помине нет внутри.

- Еще чашечки.

- Чашечки?

- Ну да. Садись в чашечку, а она кружится.

- А если затошнит? - убираю прядь-завлекалочку за маленькое ушко.

- Выйдешь, - уверенно так заявляет. Не поспоришь.

Улыбаюсь. Искренне. А Аленка смеется. Смех у нее такой звонкий. Хочется, чтобы она не прекращала смеяться. Так чувствую, что все будет хорошо. Он сил мне придает.

Мама стоит в коридоре и ждет, пока мы оденемся и выйдем.

Наши дома стоят по соседству. Жить в ее квартире я отказалась. Как только могла позволить себе снимать скромную однушку, сразу перебралась.

Такой глоток свободы почувствовала, стоило мне переступить порог этой квартиры. Я словно сбросила с себя невидимый, но тяжелый балласт. Легко стало, радостно.

- Когда ты в следующий раз убежишь на свои танцульки? Молчу. Ответ обдумываю.

Иногда с Аленкой сидит моя соседка - Томка. Она танцует в другом клубе. И у нее есть сын. Пятилетний Артемка. Вот так и выручаем друг друга. То я с детьми останусь, то Томка.

Но иногда приходится просить о помощи маму. Как сегодня. От таких звонков с просьбой о помощи всегда воротит и знобит. Чувствую себя провинившейся школьницей. Ожидаю всегда шумных вздохов, ругани и обвинений. Тяжело.

- Пока не знаю, - про сегодняшнее провальное прослушивание молчу. Мама в штыки воспринимает, что ее дочь виляет задницей у шеста, с ее слов, что уж говорить про стриптиз, - позвоню, наверное.

Хочется уже попрощаться и разойтись в разные стороны. После наших встреч такой осадок на душе, что не терпится отмыться. Смыть с себя всю грязь, что повешал родной, казалось бы, человек.

- Ну-ну. Позвонишь... как обычно за два часа до своих потанцулек. Сорвется у тебя там что-то, так сразу матери будет названивать: помоги, посиди... - голос строгий и грубый. Невольно вжимаю голову в плечи. Я снова комочек, что пнули грубо ногой. Отлетаю, ударяюсь, теряюсь.

Мы прощаемся у подъезда. Спешно и смазано.

- Мам, - Аленка дергает за руку, - ну идем уже, - молча киваю.

Машина припаркована недалеко. Усаживаю дочь, пристегиваю. Ехать до парка не более получаса. Аленка даже успевает немного подремать. проснулась видать рано, вот ее и сморило.

Моя слабость сейчас ощущается сильнее всего. Происходящее со мной - сон. Я брожу во сне. Цвета кажутся яркими,

а речь - замедленной.

Пытаюсь справиться. Не хватало еще заснуть за рулем.

В парке шумно, много семей гуляют с детьми. Смотрю с завистью. Я уже перестала представлять, что однажды у нас будет полная и счастливая семья. Внушила, что Аленка - все, что мне надо.

Мы катаемся вместе на каруселях, кушаем сахарную вату. Она такая вкусная. Хочется сказать, как в моем детстве. Но я не уверена, потому что мне ее никогда не покупали.

Потом был тир. Попасть не удалось. Выигрыша не было. Но посмеялись.

Мы кружимся, играемся. Я целую ее в шейку, а она хохочет.

За это время обида растворилась. Я больше не злюсь.

Вспоминаю Куколку. Надо бы позвонить и все ей рассказать. Переживает, скорее всего.

Телефонный звонок разрезает наше уединение с Аленкой. Она сейчас ест мороженое и испачкала в нем нос. Сидит, смеется. А я люблюсь.

Номер неизвестный. По коже пробегает озноб. Неприятный, колючий. Долго гипнотизирую цифры на экране.

- Але? - отворачиваюсь от Аленки, чтобы не вслушивалась в диалог. Она у меня любопытная. Запомнит то, что ей не предназначалось, а потом устанешь от расспросов.

- Нинель? - мужской голос низкий, красивый. Знакомый.
- Игнат, менеджер "The Deux", - хватаю ртом сладкий воздух

- рядом тележка с попкорном. Он им весь пропитался.

- Слушаю, Игнат, - пытаюсь унять дрожь в руках. Телефон сжимаю с силой. И не понимаю, что хочу услышать. Сердце отбивает чечетку, с грохотом. А я молчу.

- Выходите завтра в ночь, - тон пропитан деловыми нотками, словно мы не говорим о стриптизе, а обсуждает бизнес идеи.

- Вы... берете меня? - закатываю глаза. Что я спрашиваю? Стучу по лбу себя.

Он странно откашливается. Замираю, боюсь сделать вдох. Отстукиваю ногой. Тело в напряжении, что сводит мышцы. Я чего-то жду. Приговора какого-то...

- Да.

Наконец выдыхаю. И понимаю, что где-то в глубине чувствую облегчение. Что получилось, смогла. Следом прошибает холодным потом - страшно. Только что я поняла одну вещь - я стала стриптизершей.

- Завтра ждем вас у нас. Без опозданий.

Глава 4.

К клубу подъезжаю раньше, чем следует. Боялась встать в пробку и опоздать.

Пока еще не могу в полной мере осознать, на что подписалась. Знаю, сегодня мне предстоит выйти на сцену и раздеться перед толпой мужиков. А потом ходить по залу и соблазнять всех на приват. По-другому - зарабатывать деньги. И не верю, что это все-таки произойдет. У меня словно есть время передумать.

Весь день я делала все, что угодно, лишь бы занять руки, а следом, и голову.

Меня потряхивает. Я часто закусываю губу, что кожа стала чувствительной, и ей делается больно. Это иногда отрезвляет. Такая боль возвращает к реальности.

Тот же амбал ждет у входа.

- О, вернулась, - говорит хрипло. Опускаю свой взгляд, не хочу встречаться с его.

Киваю. Пытаюсь обогнуть его и пройти внутрь. Он преграждает мне путь. Забавная игра в "поймай меня". Только мне сейчас далеко не весело и не забавно. Мне страшно. Да так, что руки трясутся, а перед глазами все расплывается.

- Я могу пройти? - стараюсь звучать уверенно. Даже гордо как-то. Надеюсь не аукнется мне это все. Такие мужчины не любят, когда с ними разговаривают свысока.

- Звать то как тебя? - ощущаю его взгляд на себе. Он очерчивает границы тела. Я нервно заправляю черную короткую прядь за ухо.

- Нинель.

- Красиво, - он противно цокает языком. - Ну иди, Нинель, - чеканит мое имя.

Быстро переступаю порог и устремляюсь по темному коридору, даже не спросив, куда мне идти в этот раз. Я перестала думать и как-то анализировать. Все мысли только о предстоящей ночи.

Я помню, когда первый раз вышла на сцену танцевать гоу-гоу. Мне казалось, что я как на ладони. Было так волнительно это делать. Но я ведь люблю танец. Через него чувствовать свою сексуальность. Это красиво, в конце концов.

А сейчас я буду делать тоже самое, но голой. А еще показывать, что мне нравится чужое, сальное внимание, скользкие взгляды по моей груди и играть возбуждение, которое у меня вряд ли будет.

Какое-то желание скрыться от всего этого. Я вся дрожу.

Наугад нахожу гримерку. Сразу замечаю Астру. Отчего-то искренне ей улыбаюсь, словно мы знаем друг друга уже давно. В ответ получаю громкое визжание. Она рада. Кидается на меня и обнимает.

- Как здорово, как здорово, что тебя взяли, - глаза ее горят. Сама она вообще уже такая яркая. Готовая.

- Да, я тоже, - замолкаю. Я правда рада видеть Астру, но

рада ли я быть здесь? Не знаю. Не уверена. Меня пока штормит от любого слова. А с каждой минутой, что приближает мой выход на сцену, вообще накрывает волной паники и ужаса.

- Я говорила с Игнатом, - хитро улыбается мне, подмигивает. Я должна как-то прочесть ее эти знаки. Но не получается, - он мне сказал, что ты сегодня выходишь. Хотя, прости, после твоего падения на сцене, я думала что все. Не увидимся больше. А я даже твой телефон не спросила, - она наигранно хнычет.

Почему-то хочется спросить, видела ли она Ольшанского сегодня. Прикусываю язык, чтобы не сделать этого. Глупо, очень глупо так палиться.

- Поможешь? - киваю на примерный столик.

- Конечно! И вот ещё смотри, - Астра указывает на множество сценических костюмов в углу.

Присвистываю. Уж что что, а на образы этот мудака не покусился. Выложил приличную сумму. Руки чешутся хотя бы потрогать их.

- Какой нравится? - Астра перебирает ткань пальцами. У самой глаза горят.

Улыбаемся друг другу.

В комнату входит Зарина. Кажется, так ее звали. Черные глаза, черные волосы. Хищная улыбка.

- Привет, - голос мне ее не нравится. Стараюсь не отступить, но безумно хочется спрятаться от этого взгляда. Он

очень жесткий. - Не думала тебя встретить.

- Придется теперь терпеть меня, - немного наглею.

Мы скрещиваемся взглядами. И стоим, молча сверлим друг друга. Нехорошо от этого становится. Я и так стараюсь унять в себе тревогу, а теперь и вовсе ощущаю себя паршиво.

Астра не замечает нашего поединка. Все рассматривает костюмы. Я беру первый не глядя. Не важно, какой из них окажется на полу спустя пару минут моего танца. Желание потоптаться на нем велико.

- Уау! - вспыхивает Астра. Ты египетская царица!

- Что? - опускаю взгляд на свои руки, где зажата золотая ткань.

- Сейчас тебе стрелки красивые нарисую. Будешь Клеопатрой.

Зарина закатывает глаза и морщится. У нас с ней взаимное неприятие друг друга выходит.

Захожу за ширму, в руках сжимаю этот невнятный клочок ткани. Становится невыносимо душно в помещении. И воздуха становится мало. Наряд липнет к коже, она пылает, горит от любого прикосновения. Состояние нестабильное и шаткое.

- Астра, - зову тихо. Силы словно оставляют меня. - Поможешь накраситься?

Она хлопает в ладоши в предвкушении сегодняшней ночи. Хочется попросить ее поделиться ее настроением, потому что у меня его нет и в помине.

- Конечно, царица. Ой, - осекается, складывает полные губки буквой “о”, - она же царица? Или кто?

- Понятия не имею, - опускаю взгляд на туалетный столик, руками оперлась о него. Каблуки высокие, платформа тоже. Первый раз мне тяжело сделать и шаг. Он высасывает всю энергию, которую и так не наскребешь.

- Черт, зауглить что ль? - Астра напевает какую-то песенку, веселую. Глаза светятся. На скулах яркий румянец - искусственный. Глаза подведены ярко. И красивые волны светлых волос. На ней костюм горничной. Банально, но мужчин и это заводит. А еще стюардессы, женщины-кошки. Мой взгляд выцепил их среди вороха этого шмотья.

Астра профессионально работает кистью. И взгляд... он иногда меняется. Пропадают искры беспечности и появляется доля серьезности. В такие моменты она не стриптизерша по имени Астра, а полноценный визажист, знающий свое дело.

Легкая улыбка трогает губы. Хочется поделиться с ней своими мыслями. А еще переживаниями. Может, у нее найдется пара слов для меня.

- Ну все, готово. Зацени! - приближаюсь к зеркалу. И правда - Клеопатра. Надо только найти тиару на голову. Не будь я стриптизершей, моему образ позавидовала бы сама Элизабет Тейлор.

- Спасибо, - любуюсь собой. А Астра довольная. Протягиваю ладонь, она слегка ударяет по нет.

- Да, детка! - вилля пятой точкой, выходит в коридор.

Я в помещении одна. Зарина тоже куда-то ушла. Других девчонок не видела. Возможно, здесь несколько гримерок. Еще одна щедрость со стороны Ольшанского.

Через несколько минут клуб начнет свою работу.

Снова смотрю на свое отражение. Там не я. Да, девушка красивая, яркая. С соблазнительными яркими губами и темными, прожигающими глазами.

Но еще я вижу дикий страх в этих глазах. Губы потряхивает. Лицо бледное, хоть и на мне жирный слой румян.

И руки. Я их не чувствую. Кожу печет, а ладони леденят. Меня знобит, словно поднялась температура, даже вижу испарину на лбу.

Состояние дна поглощает. Я барахтаюсь здесь, пытаюсь выбраться, но не получается, только глубже вязну.

Игнат без стука заходит в комнату. Пугаюсь. Если бы я была не одета? Черт, я все равно скоро сниму с себя это дешманское платье. Он и так увидит меня голой, будет оценивать, а в мыслях трахать так, как ему вздумается.

- Готова? - тон голоса безразличный. Окинул только меня невидящим взглядом.

- Думаю, да, - ни капельки не готова. Мне страшно. Безумно. Чувство такое ощутимое, что хочется кричать, чтобы не трогали, отпустили. Так бунтует моя душа, запертая в красивую золотую клетку в образе Клеопатры, мать ее, царицы.

- Ты выходишь вторая. Астра идет первая, - недовольно

мазнул по моей груди. Он ее видел, рассматривал. Хочу прикрыться. Соски проступают сквозь тонкую материю. - Затем выходишь в зал, - делает паузу и окидывает меня взглядом. Он изучающий, внедряется под оболочку и поселяется там мерзким следом, - подсаживаешься за столики, общаешься, - подмигивает, - твоя задача развести на приват. Выпивка, закуски - все за счет клиента.

- А если, - прочищаю горло, позорно откашливаюсь. В глазах пелена от обиды. Она затмевает страх и ужас от предстоящего. И не получается спрятаться. Я ведь как на ладони, - если там, в комнатах, я почувствую себя в опасности? - смотрю с надеждой. Хочу услышать слова поддержки. Пусть они и будут ложью.

- В какой опасности?

- Я не хочу, чтобы меня трогали, - Игнат хмыкает, смотрит исподлобья. И мучает меня своим молчанием.

- Нинель. Ты пришла в стриптиз. Это не бордель, конечно. Трахаться никто тебя не поведет за угол. И заведение у нас не уровня хард. Без твоего согласия никто к тебе не прикоснется.

Обычно после этого следует громкое и шумное "но". Сглатываю скопившуюся слюну. Заламываю пальцы, чешу кожу бедер. Нервы натягиваются. Смотрю ему в глаза в каком-то глупом желании уткнуться в плечо и заплакать.

- Я не хочу, чтобы меня трогали, - чуть смелею. На что-то надеюсь. И жду разрешение. Боже, я ожидаю, чтобы услы-

шали мою просьбу.

- Ладно, - устало соглашается. - Озвучь только это своим клиентам. Но учти, что платят больше тем, кто и позволяет чуть больше. Ты же пришла за деньгами?

- За ними.

- Тогда в чем проблема? Сиськи не дашь потрогать? По бедру погладить. Не корчь из себя святую невинность. И не набивай себе цену.

Звучит грубо и жестоко. Я понимаю, что он прав. Но переступить не могу через себя. Как представляю сальные пальцы на моей кожи, начинает тошнить. Ком подкатывает к горлу и становится горько во рту. И на душе. Тоже горько и ржаво.

- Я поняла.

- В комнатах привата есть тревожная кнопка. Если твои условия не соблюдают, распускают руки, хотят сделать то, что не нравится тебе, - тон обычный. Он словно рассказывает распорядок дня, - нажимаешь. К тебе приходит охрана. Или я.

Киваю. Говорить становится трудно. Тошнота никуда не уходит. Становится только хуже. Сейчас Игнат описал мои рабочие обязанности. Стоит ли спрашивать, где поставить подпись, что ознакомилась?

Его общество стало мерзким, платье жутким. Оно облепило так, что кожа начинает зудеть. Раздираю ее сквозь ткань, сильно кусаю губу. Чувствую соленый привкус на языке - кровь. Терзаю ее дальше, чтобы вкус усилился. Господи, что

я делаю?

Игнат все видит, замечает. Но молчит. Твою мать, ни слов поддержки и ободрения. Тотальное равнодушие и цинизм. Ненавижу и презираю. Я всего лишь тело, которое должно быть приятно глазу. Меня должны хотеть. Я должна к себе манить. А еще слушать, обнимать, угождать. Восхвалять весь этот сброд с хуем между ног. Боготворить их, возвеличивать.

А внутри пожар, злость. Рвет на части. Меня трясет. Так сильно, что нельзя сконцентрироваться. Голос дрожит, слезы катятся. Я в отчаянии, когда просто громко-громко орешь внутри себя, но не можешь сделать это в действительности. Потому что нельзя. Запрещено.

- Эй, ты чего? - Астра заходит в комнату, когда Игнат уже вышел.

Просто бросаюсь к ней и начинаю плакать навзрыд. Мне уже плевать на прическу, на макияж, который она делала с таким усердием. Просто я взорвалась. Реальная Нина внутри меня не выдержала этого напряжения.

- Я боюсь, мне страшно. И ... - всхлипываю, - стыдно. Боже, я не хочу, чтобы они трахали меня взглядом во всех позах, трогали меня. И играть удовольствие от этого не хочу. Мерзко. Я мерзкая. Все здесь мерзкое.

Астра просто гладит меня по голове, не перебивает. Наверное, это то, что мне сейчас нужно. Пути ведь назад уже нет. Убежать нельзя. А вот высказаться и услышать хоть ма-

ленькую и тоненькую поддержку очень важно.

- Никогда не раздевалась на сцене. И не представляю, как сейчас это сделаю. Я просто сгорю там. Мне ведь надо показать, что это нравится мне. А меня это бесит. Слышишь? Бесит.

- Нинель, - голос ласковый. Нет, мы не соперницы. - Ты когда танцевала перед Ольшанским, от тебя невозможно было оторвать глаз. Такая ты красивая была. Возбужденная, горячая. Слушай, я вообще мальчиков люблю, но при взгляде на тебя, у самой все задребезжало, - смеется, - ты же почему-то была такая с ним. Или для него, - косится на меня, но больше ничего не говорит. И не спрашивает.

- Тогда была словно не я. - Проглатываю слова вместе со слезами.

Астра отстраняется от меня. И смотрит долго в глаза. Ее мысли прочитать невозможно. Но она о чем-то так усердно думает, решает. Любопытство начало съедать. Ее слов жду как нечто важное и значимое.

- У меня есть то, что поможет тебе, - уводит взгляд, подбирает следующие слова, - немного расслабиться. Почувствовать кайф.

Она закусывает губу и шумно поднимается. В сумке находит пару таблеток и протягивает мне открытую ладонь.

Смотрю замороженно. Это какой-то сон. Хочется уже проснуться. Даже картинки перед глазами кажутся дикими и неправдоподобными. Я попала в свою страну чудес. Только

до реальных чудес здесь далеко. Скорее это мир иллюзий и разврата. А я в нем в центре. Кручусь на пьедестале. А все смотрят, показывают пальцем и смеются.

- Наркотики?

- Нет, - Астра щурится. Взгляд бежит. Он останавливается на этих таблетках, переходит на мое лицо, костюм, снова на таблетки. И так по кругу.

Беру одну и отправляю в рот. Эту ночь я не хочу помнить. А если и останутся воспоминания, то хочу чтобы они были искажены и казались сном.

- Ну вот и хорошо. Сейчас будет сладко и приятно, - пальцами вытирает дорожки слез. - Пойдем только макияж подправим.

Глава 5.

Музыка в зале пока негромкая. Шума нет, как и звонкого смеха, что остро прокатывается по венам. Пахнет вкусно, сладко. Это не женские духи. Так пахнет возбуждение.

Мне стало спокойнее. Точнее, проснулся интерес, что же будет дальше.

Вялая улыбка, движения медленные. Вокруг все замедляется, кажется томным и нежным. Странная ассоциация для места с красными портьерами.

- Ты как? - Астра держит меня за руку, не отпускает. Сейчас она кажется самым близким мне человеком, почти родным.

- Замечательно, - я правда так чувствую.

- Игнат смотрит в нашу сторону. Проверяет, - она хитро улыбается ему, машет рукой и перебирает воздух длинными пальчиками.

Мы стоим за кулисами небольшой сцены, нас не видно в зале. Но хочется взглянуть одним глазком туда. Узнать, кто там?

- Он тебе понравился? - спрашиваю Астру.

- Угу, - она прикусывает губу и взгляд не отводит от него. Игнат смотрит в нашу сторону строго. Ни тебе флирта, ни подмигиваний. Точно, строгий босс.

Игнат обходит сцену и движется к нам. Сейчас он не ка-

жется уже мне мерзким. Наоборот, в нем что-то есть. Самец, которого хочется потрогать.

Мысль пришла в голову и кажется чужой. Не моей. Я не могла так подумать. Но выбросить ее не получится.

Что происходит со мной?

Кошусь на Астру. Та не отводит взгляда от Игната. Начинает трогать себя. Проводит рукой вдоль шеи, аккуратно, пальцем очерчивает контур губ. А потом подмигивает ему. Наблюдаю со стороны и ... хочется повторить.

Пугаюсь.

- Что эта была за таблетка? - чуть повышаю голос. Возбуждение прокатывается по нервам, задевает и нарастает с каждым моим вдохом. В кровь поступают какие-то шумные импульсы, заставляют делать то, что запрещено.

- Ничего особенного ... - снова взгляд на Игната. Он приближается, становится совсем близко. Я чувствую его запах. Мужской, дикий. Губы его с резкими изгибами. Они манят к себе.

- И? - дрожу. Нужно, чтобы кто-то ко мне прикоснулся.

- Возбудитель.

- Боже, - стону. Потому что я понимаю, что таблетка действует. Мое желание начинает сбываться. Я хочу, чтобы на меня смотрели, трогали. Это неправильность и острота такая ощутимая, несколько не эфирная. Протяни руку и пощупай. Она плотная, сладкая и тягучая.

- Получай удовольствие, Нинель!

Игнат стоит рядом. Наблюдает за нами. Щурится. Я вижу, что он все понял, знает. Всматривается в глаза каждой.

Волны гнева четкие. Они направлены на нас. А мы просто стоим и улыбаемся. Кокетничаем. Астра смелеет, подходит ближе, проводит языком вдоль его шеи, что-то шепчет. Его кадык дергается, сам он напрягается.

- Твой выход, Астра, - Игнат даже не посмотрел на нее. Отвернулся и направился в зал.

Сейчас музыка там стихла. Прожектора направлены на сцену. Яркое сияние. Восхищенно смотрю на это великолепие. Кончики пальцев покалывает, хочется схватиться за шест и выполнить пару круток. Нетерпение в каждом нервном движении.

- Пожелай удачи, Нинель, - Астра улыбается мне, посылает воздушный поцелуй и уходит на сцену.

Я остаюсь ждать на кулисами. Секунды тянутся.

Эротичная музыка наполняет пространство. Скрипка, немного басов и женских вздохов. Астра двигается медленно, но сочно. Показывая каждый изгиб, демонстрирует себя. И кайфует. Она правда кайфует от этого. Стоит всмотреться в ее глаза, темные, безумные, там плещется восторг от себя самой.

Платье летит в сторону, в зал точнее. Его кто-то ловит. Слышу густой смех. Его можно назвать низким. Он заползает в клеточки и заставляет их выпить его. Странное желание. Не видя человека в лицо, хочется коснуться его кожи,

попробовать ее на вкус.

От мыслей становится неуютно, но они никуда не уходят. Тело только начинает гореть с новой силой. И жар этот накатывает волнами, накрывает с головой. А мои вдохи схожи со стонами.

Мне кажется, я не смогу больше смотреть на себя в зеркало после сегодняшней ночи. Такой грязной я себя еще не ощущала. Вот только... сейчас эта грязь кажется правильной. Чертова таблетка!

Тело Астры красивое, женственное. Можно им любоваться. Кожа бархатная, это видно даже со стороны. И волосы... такие пышные, волны завлекают, хочется пропустить пряди между пальцев.

Выглядываю из-за красной портьеры, что скрывает меня. Мужчин немного. Вижу даже пару девушек. Они пришли с ними в паре. Наблюдают. Все взгляды прикованы к Астре. Они изучают ее, оценивают.

Один мужчина подзывает официанта и заказывает выпивку. Развязывает галстук и снова впивается глазами в сцену. Астра крутится на шесте и снимает с себя последний кусочек ткани. Секретов больше нет. Тело открыто. Дальше только душа.

- Ну как я? - Астра голая сходит со сцены и скрывается за кулисами. Ей понравилось быть такой.

- Ты была замечательной, - говорю искренне, - я засмотрелась на тебя. Хочу, чтобы у меня получилось так же, - при-

знаюсь.

В тело возвращается легкий мандраж. Он не сковывает, не нагоняет волны ужаса и страха. А я больше не чувствую себя униженной. Только на самом доньшке, в конце всего, лишь тонкое разочарование.

- У тебя выйдет не хуже, поверь. И это так классно, когда ты чувствуешь покалывающее возбуждение. И вот здесь, - она показывает на лобок, спускается ниже. закатывает глаза, - так приятно.

Опускаю взгляд, обхватываю себя руками. Мое возбуждение маленькими шажками переходит в нервность.

- Все, я ушла, - машет мне рукой и уходит в зал. Наблюдаю, что тот мужчина с бокалом виски подзывает ее к себе. Астра радостная идет к нему. Но не спешит. Даже без одежды она ведет себя как королева. Ей приятно внимание, но сейчас оно не пошлое, скорее яркое и пограничное.

Снова легкая зависть, что у нее получается так. Я же... даже после таблетки мне сложно взять себя в руки. Я все еще цепляюсь за невидимые выступы, чтобы вырваться из этого. В тело поселяется тревога, она неприятная сейчас, горькая.

- Нинель? - Игнат оказался рядом. Он осматривает меня. Взгляд останавливается на губах, сканирует меня. Сердце шумит, ритм не разобрать. Только монотонные звуки и боль в груди, - ты следующая. И... не бойся. Ты... красивая, правда. Все получится. - Пару секунд задерживается на груди. И я ее больше не прикрываю рукой, потому что не хо-

чу, не желаю прятать.

Киваю. В мыслях начинаю считать. По порядку.

На цифре десять музыка заполняет зал.

Делаю шаг в сторону сцены. Ноги леденеют в моменте. Отчаяние захватывает в сети, словно кто-то зажимает со спины и прикрывает рот рукой. Бьешься в истерике, но тебе никто не помогает. Не поможет. Ты в беде. Безрезультатно борешься сама с собой в попытке вырваться из этих лап.

Пара вдохов, глубоких. Внушаю, что таблетка во мне. Она полностью растворилась. Кровь - коктейль из ужаса, возбуждения и азарта. Душа смята. Гашу в себе слезы и двигаюсь вперед.

Пилон скользкий. Руки потеют, а надо как-то цепляться. Позорно вытираю их о ткань. Знаю, что получится всего лишь сделать пару круток, не больше.

Смотрю в зал и вижу только темные очертания и светлые нимбы над головами. Ей Богу, я попала в рай? И сейчас меня оценивают?

Делаю обороты вокруг оси, кручу восьмерки бедрами и плавно обвожу контуры тела. Простые движения, что помогают найти контакт со своим телом.

Представляю, что я одна. Вокруг никого. И танцую я для себя. Потому что самая сексуальная, самая красивая и самая восхитительная. Я. Только я. Смятая душа возится во мне, копошится, задевая обгоревшую нежную кожу внутри. Больно. Очень больно это чувствовать.

Опускаю вниз и развожу колени в сторону, давай зрителю картинку с моими трусиками.

Несколько связок, что отражают гибкость тела. Шест игнорирую, все на полу внизу. Губы приоткрыты, дышу ртом. Жадно. Вбираю ядовитый воздух в себя.

Мне нравятся мои движение, нравится мое тело, какое оно на ощупь, потому что постоянно его поглаживаю и сама задеваю чувствительные точки. Провоцирую того, для кого и не хочу танцевать. Играю сама с собой.

Волны телом и тазом. Самое любимое - имитация секса, когда рядом никого нет, но ты представляешь его, видишь перед собой и двигаешься.

Мне кажется у меня начинает получаться. Я даже заночу руку, чтобы начать снимать с себя платье.

Но торможу. Позорно и гадко пячусь назад. Душа превратилась в точку. Взрыв, и она исчезнет, испарится. Я буду просто телом, сосудом.

Грудь часто поднимается, щеки горят. Возбуждение и правда катится по телу как металлический шарик. И дрожь уже не про просто поселенный в клетках страх.

Только рука так и застыла в воздухе. Не могу сделать усилие, чтобы сорвать хотя бы все одним махом. Чего-то жду.

Воспоминания возвращают меня на пару дней назад. В этот самый зал. Когда Олег смотрел на меня, а я горела в огне его глаз.

- Олег, - говорю тихо, себе под нос. И молюсь, чтобы этого

никто не слышал. Слово - спасение. Или проклятие.

Я представляю, что он смотрит на меня, он ласкает взглядом. И руки, только его.

Провожу ладонью вдоль тела, касаюсь груди и сжимаю ее. Соски ноют и я захватываю их, слегка щипаю. Отрезвляет, но не больно.

Закусываю губу и вглядываюсь в зал. Он там, уверена. Наблюдают за мной.

Платье сползает вниз, я помогаю ему спуститься, покачивая бедрами. Может не очень эротично для первого раза, но то, что сейчас произошло, толкнуло меня на новую ступень. Она была сложной, практически непреодолимой.

Подхожу к шесту и кручусь. Ладони больше не мокрые, значит, цепляюсь крепко.

Если это действие таблетки, то оно мне нравится. Я не чувствую себя больше грязной. Мое тело прекрасно и я хочу, чтобы на меня смотрели.

Музыка заканчивается, а движения замедляются.

Дыхание восстановить сейчас сложнее. Огненные потоки хлынули по венам, разнося уже желанную свободу и вожделение.

Ухожу на трясущихся ногах. Но на лице улыбка. Боже, я улыбаюсь. Всплеск непонятного мне адреналина в крови. Он смешивается с восторгом и какой-то приторной истомой. На поверхности мелкая дрожь и румянец. А мышцы пульсируют. Вот-вот взорвусь.

Игнат стоит у сцены за кулисами. Смотрит на меня, но взгляд задерживается только на глазах. Я знаю, чувствую, что он хочет пройтись по моему телу. Это его желание осязаемое. Приватное.

- Молодец, - сухое слово, что вмиг опускает меня на твердую землю и заставляет вернуться к исходному - я стриптизерша. На меня должны смотреть за деньги, и танцую я за деньги. - В зал иди, - коротко мажет взглядом по груди и опускается ниже. Низ живота вспыхивает, словно он коснулся меня там рукой.

- Тебе понравилось? - дурацкая провокация, я о ней еще пожалею.

- В зал. Иди, - грозно повторяет.

А я все-таки улыбаюсь ему и выхожу в зал.

Глава 6.

В зале около десяти столиков, а вдоль стен кабинки с перекрытием. Весь интерьер в оттенках красного. Я теперь ненавижу этот цвет.

Свет слепит глаза. Чувствую себя на смотринах. Оценивают каждый мой шаг.

Сквозь меня проходят волны любопытства, вожделения, зависти и надменности. От них не скрыться и не убежать.

Прохожу вдоль столика, за которым уже во всю смеется и очаровывает своего клиента Астра. Еще немного, и она пойдет с ним в приват.

Другая пара пока мило воркует между собой. Не знаю, кто они друг другу. Пришли, чтобы зажечь в себе похотливый огонек? Скверно себя чувствую. Куда не посмотри - я везде лишняя.

Взгляд устремляется вперед. Самое видное место. Здесь не может сидеть обычный посетитель клуба. Только вип.

Ореховые глаза жгут мое нутро. Пронзают насквозь и прокручивают. Кровь закипает, это жжение растекается по венам. Но кричать от боли нельзя.

Олег не отрывает взгляда от моего тела. Исследует. Так нагло и бесцеремонно. Он подносит бокал виски к губам, выпивает залпом, но так и остается смотреть на меня поверх бокала.

Он улыбается мне дерзко. Появись эта странная ухмылка на его лице в другое время и в другом месте, я бы также дерзко ему ответила.

Впрочем, практически так мы с ним и познакомились. Он смотрел на меня, куда бы я не пошла. Сидел за столиком бара, где я работала, и наблюдал. Ухмылялся, пошло шутил, стоило мне подойти к нему, и прожигал взглядом. Я сдалась. Нельзя было не сдаться.

Сейчас Олег взглядом указывает мне сесть рядом.

Ток прошибает. Он прокатывается по каждой клеточке моего тела и не выходит из него. Только пускает свои опасные заряды и бьет по живому. Эти удары болезненные.

Выпрямляю спину. Шумно сглатываю. Не опуская взгляд, иду к нему за столик.

- Нинель, - приветствует. В голосе уже нет той грубости, которая была на прослушивании.

Он подзывает официанта и вопросительно смотрит на меня.

- Так ты, - осекаюсь, стараюсь унять бешеное сердцебиение. Сердце словно сошло с ума, - вы клиент сейчас?

Олег широко улыбается мне. В глазах азарт. Он играет со мной.

Не знаю, почему именно я. Чем зацепила? Своим падением? Неуклюжим выходом сейчас на сцену? Или все же своим красивым уходом с прослушивания? Так и знала, надо было сдержаться и тихо скрыться за дверью.

Хочется стукнуть себя по лбу за неосмотрительность и недалёковидность. С такими как Ольшанский, в игры лучше не играть.

Однажды я ушла уже от него с разбитым в клочья сердцем. До сих пор оно режет и колет. При взгляде на него что-то екает еще внутри, внутренности сжимает.

- Что будешь пить? Нинель? - Олег не отстает. Стараюсь прикрыть грудь руками. Нежная кожа полыхает от взглядов. - Руки убери! - приказывает.

- Водку. - Отвечаю дерзостью. Снова поплачусь за это.

Олег смеряет недовольным взглядом. Я только выпрямляюсь и принимаю удар. Открытая перед ним. Мурашки расползаются. Он смотрит на мою грудь. Обводит взглядом соски. Вижу хочет коснуться их. Но у него нет на это моего согласия.

- Набор шотов принеси, - указывает официанту. На него не смотрю. Прикована к Ольшанскому, что не отцепить. Решает за меня. Права голоса у меня в этом вопросе нет. Чувствую себя не просто в игре с ним, а игрушкой. Красивой, но жалкой.

- А я буду вино.

Слащавый голос раздается по левую руку от Олега. Даже и не заметила, что он сидит не один. Хмурюсь. Находясь в своем шатком положении, мне не нравится, что он пришел с девушкой.

Олег на обращает внимание на нее. Только рука его погла-

живает ее открытое бедро, иногда поднимаясь вверх непозволительно высоко, что я вижу край ее кружевных трусов.

Меня цепляют его действия. Понимаю, что не должны. Нисколько не должны. И чувствовать я тоже ничего не должна. Но чувствую. Какое-то мерзкое чувство противного зеленого цвета. Тошнит.

- Мне понравилось, как ты танцевала, - она смотрит на меня свысока, но при этом старается быть дружелюбной. Словно если покажет свою враждебность, что-то важное потеряет.

- Я рада, - вру. И смотрю ей в глаза. Они темные, в них отражаются множество бликов.

- Нинель, правильно?

Хочется ругаться и кричать, что меня зовут Нина. Просто, нежно.

- Да.

Она эротично закусывает губу и очаровательно улыбается. Стреляет глазами в Олега и касается его бедра. Напрягаюсь. Почему меня это все еще тревожит?

- Она и правда милая, - говорит ему тихо, но я прекрасно это слышу. Олег только кивает.

Не имею ни малейшего понятия, что мне делать дальше. Смотрю по сторонам. Все смеются, что-то рассказывают друг другу. Девчонкам и правда тут хорошо. Либо они замечательно играют на публику. Астру не вижу. Как и того мужчину, к которому она подсела.

Она танцует ему приват. Стало интересно, а что она делает? Как много позволяет?

- Нинель, - приторный голос снова обращается ко мне, - а ты раньше ведь не танцевала в стриптизе. Олег рассказывал.

Наклеенная улыбка сползает с лица. Он обсуждал меня с ней. С этой сучкой, что до сих пор гладит его бедро, а он позволяет ей это делать, не отрывая свой взгляд от меня. Не осталось места на моем теле, которого он не коснулся своим взглядом.

Жжет же от него. Приятно. Я совру если скажу, что меня воротит от его внимания. Чувствую как соски заострились, крупные мурашки расползаются по спине. Я постоянно свожу бедра, потому что чувствую пульсацию.

Я же помню его горячие касания, которые пробуждали меня, дарили тепло ласку и блаженство.

И память моя сейчас подбрасывает эти самые картинки. Они не к месту.

- Нет. Только гоу-гоу, стрип-пластику.

- Интересно... У тебя красиво тело. Олег, тебе нравится?

Пересекаемся взглядами. И я жду как долбанная наркоманку дозу - его одобрение, его похвалу. Господи, он ведь болото, которое затянет меня, высосет все чувства и оставит на обочине.

Его улыбка похожа на оскал. Отворачиваюсь не в силах вынести ее.

- Нравится. - Говорит уверенно. Я все еще потупила

взгляд.

- Дорогой, я на минуту, - девушка аккуратно встает и уходит, оставляя нас одних.

Что я должна сейчас делать? Говорить? Предложить ему приват? Смущаюсь и просто молчу.

Нам приносят шоты красивых кислотных оттенков.

Беру ближайший к себе и опрокидываю в рот. Морщусь. Он горький, обжигает горло. Но алкоголь сразу ударяет в мозг. Плыву. Тепло разливается по телу, и я расслабляюсь. Надо было выпить шот вместо дурацкой таблетки Астры.

- Это ты попросил меня взять на работу? - хочу узнать правду.

- Я.

- Правда понравилась? - смотрю в глаза. В его вижу неподдельный интерес. Он пытается меня разгадать. Заглянуть внутрь. А потом сожрать мое тело.

- Жаль, что ты тогда трусы не сняла. Я бы хотел заценить все.

- Но не заценишь. И не потрогаешь. Не разрешаю.

- Ауч. Жестокая.

- Мне неприятны чужие касания, - лукавлю. Когда танцевала, представляла его руки на себе. И позорно извивалась у шеста. Передо мной были его глаза, полные похоти и желания. Только от одной этой мысли хочется броситься в ледяную воду с головой. Может, хоть так она остудит мое разгоряченное тело.

- И ты пошла в стриптиз... - он берет оливку, подносит к губам. Завороженно наблюдаю. И смотрю на его губы. Жесткие и по-мужски красивые. Но он отправляет ее мне в рот. Погружает между губ и проталкивает. - Ешь.

Начинаю жевать упругую горошину. Соленая. Язык пощипывает и я морщусь.

- Гадость.

- Вкусно. И я коснулся твоих губ. Мне понравилось.

Хочется съязвить в ответ. Отпустить злую шутку. Но только открываю и закрываю рот. А Олег уставился на мои губы и не отводит взгляд.

Я понимаю, что нужно уходить. От него. Вставать и искать другой столик, где я точно смогу играть. Неважно что: возбуждение, увлеченность, радость. Переступлю через себя и смогу. Но не с Ольшанским. Слишком много чувств просыпается, когда смотрю на него, слышу его голос.

- Тогда дай еще, - но я сижу и прошу засунуть мне в рот вторую оливку. Потому что он касается моих губ. Коротко, но ядовито приятно.

Олег берет оливку и погружает себе в рот, слизывает соль и передает мне. Снова касается пальцами кожи губ. Задерживается на ней, не убирает, и проводит по контуру. Смотрит на них.

Внизу живота шаровая молния. Опасная и взрывная. Стоит податься вперед, зацепить сосками его рубашку, и я расщеплюсь на атомы.

- Вы тут не скучаете , я смотрю, - приторный голосок возвращается. Отодвигаюсь от Олега, отворачиваюсь. Чувствую, что мы совершили что-то запретное и неправильное. И на душе сразу тоска. Не знаю кто она, кем ему приходится. Я всего лишь стриптизерша в его клубе. И он пришел сюда с ней, а меня когда-то выкинул из жизни.

- Ты быстро, - он недоволен, но оправдываться не собирается. Я помню, это не в его стиле.

- Позволишь мне так тебя оливками покормить?

Она все видела. Теперь смотрит с неприкрытой ненавистью, которую только я и замечаю. Хочется кричать, что я никто здесь. Просто раздеваюсь для мужчин и мне за это платит.

Но я улыбаюсь.

Встаю из-за стола. Больше находиться рядом с Олышанским сегодня не могу. Мне кажется, его горький табак проник в мои поры. Теперь я им пахну. А он даже не касался меня. Я просто сидела рядом. Непозволительно для того, кого я должна ненавидеть. Но чувства, спрятанные глубоко внутри, говорят об обратном. Сердце все еще отзывается на его имя, а при взгляде на него - душа взлетает.

- Оставлю вас, у меня еще работа, - краем глаза замечаю одинокого мужчину. Он не кажется мне агрессивным. И выглядит вполне себе симпатично. Может, с него и начать мой вечер?

Олег коротко кивает и провожает взглядом прямо до сто-

лика того мужчины.

Я обернулась единожды, потому что спину нещадно жгло. Улыбнулась и закусила губу. Черт, я снова его провоцирую.

Олег только оскалился и помотал головой. Я поняла, что уже не смогу от него скрыться.

Глава 7.

Захожу в гримерку и медленно бреду до ближайшего стула.

- Эй, это мой, - Зарина заходит следом. Смотрит недовольно, руки скрестила на груди. Все еще голая. Но она не выглядит уязвленный из-за этого. В отличие от меня. Мне кажется именно такой я и выглядела со стороны.

Смотрю на нее снизу вверх и даже не нахожу силы что-то ей ответить. Устала. Вся энергия спущена в никуда.

Молча поднимаюсь, по пути скидываю кандалы, на которых ходила всю ночь и пару раз танцевала приват.

В комнату вбегает Астра. Вот кто не чувствует усталости. Она веселая с долей задора в каждом взмахе руки. Косметика чуть потекла правда. И морщинки у глаз стали более заметны. Сколько же ей лет? Невозможно так определить.

- Ну? Рассказывай? - она уселась рядом. Уставилась во все глаза. Закусила губу. А мне хочется ее немного помариновать. Тянусь, зеваю. И молчу. - Сейчас стукну! - и фыркает на меня.

Астра злится, а потом смеется. Улыбаюсь в ответ. Усталость стала отступать. Я и правда хочу поделиться.

- Нормально. Я была сначала за столиком у Олега... От звука его имени поджимаю пальчики на ногах. А стоит вспомнить, как мы делили оливку... Свою колени.

- Олега?

- Ольшанского, - Астра шуруется, но опять ничего не спрашивает. О моей истории знает только Куколка. И то без имен. Просто мужчина. Просто шикарный. И просто бросил. На этом моя история заканчивается.

А пепелище, которое осталось после нашего романа - это все внутри. Никакими чувствами его не выразить и словами не описать.

- Потом был тот симпатичный мужчина, да? Черный пиджак, дорожные часы на запястье и современная стрижка, м?

- Угу, - опускаю взгляд. Я танцевала первый свой приват именно ему.

- И как тебе? - Астра берет мою руку и слегка сжимает. Маленькая такая, но нужная мне поддержка.

- Он... хороший. Предложил выпить. Рассказывал про свою работу. Занимается чем-то странным, я так и не поняла, чем именно. Сыпал терминами, понятиями. Чувствовала себя глупенькой, - застываю резко. Я ведь такая и есть.

- А ты только улыбалась и кивала, - заканчивает за меня Астра. Выдыхаю. Она на моей стороне.

- Да. А потом я предложила ему станцевать. Так смутилась тогда. Даже в глаза не могла посмотреть. И покраснела. Боже, щеки так горели, до сих пор чувствую.

Беру ладонь Астры и подношу к щекам. Рука у нее прохладная, хоть как-то остужает огненную кожу.

- Ему понравилось?

Тот мужчина не распускал руки, даже не спрашивал, можно ли коснуться. Так, поглядывал иногда на манящие острые соски, пару раз облизывал губы. Его манила шея. Уверена, он желал ее поцеловать. Любопытно, какой он любовник? По крайней мере насильно оливкой он меня не кормил. И разрешил заказать то, что хотелось.

- Да. Он сказал, что я красиво танцую. Так странно это слышать. танцую... Господи, я просто трясу задницей и сиськами. А он... красиво. И понимаешь, Астра, - мы придвинулись ближе друг к другу. Зарина косится на нас, ей тоже любопытно, - он смотрел в глаза. Я перед ним в одних трусах, а он... "глаза у тебя интересные. Кажется, что они не должны быть такими темными", - смеюсь, вспоминая его слова. По сути, оказался прав.

- А потом?

- Потом он ушел. Мой первый клиент ушел. Оставил одну.

- А сколько заработала с ним? - ей любопытно, а мне на душе грустно стало и погано. Он платил за внимание, за женское тепло и немного страсти. Получается, они могут измеряться деньгами.

- Неплохо. - Хочу закрыть тему денег. От нее веет мерзостью.

- А потом?

- Потом был другой мужчина, - холодок охватывает мое тело, тепло уходит и не хочет возвращаться. - Он держал ме-

ня за руку и рассказывал какие-то шуточки. Они были пошлые даже для этого места.

- Расскажешь? - В наш диалог вступает Зарина. Она развернулась лицом к нам и вопросительно приподняла одну идеально нарисованную бровь.

- Ладно, - сдаюсь, - какие животные постоянно вынуждены смотреть порно? Киски, - говорю тихо, на девчонок не смотрю. А потом начинаю смеяться. Может от этой дурацкой шутки, а может, так выходит то напряжение, которое скопилось за ночь.

Зарина сначала хмыкает. Странно так. И смеется. Смех у нее низкий и глубокий. Немного мужской. И сама она грубоватая. Только вот стриптиз она танцует - закачаешься. Захотелось спросить у нее пару советов. Потом как-нибудь, когда наше общение станет более нейтральным.

Астра уставилась на меня, не моргает.

- Это ужасно. Ужасно... - и повторяет это слово как заведенное.

- И не говори.

- Не смешно, - кривит губы, уголки сползают вниз. - И все? А приват?

Этот танец я вспоминать не хочу. Не осталось места, куда бы он не хотел притереться. Все было очень близко, катастрофически. И запах его - смесь какого-то резкого одеколona, выпивки и дешевых сигарет. Неприятно было. Я отворачивалась от него, а он не понимал. Касался плеч, хотя я

просила руки держать при себе.

Но он то и дело невзначай дотрагивался. Его отпечатки я до сих пор ощущаю. Такие жирные. И пахнут они как он. Я сама пропахла им.

- Был и приват. Он... пару раз касался меня. А мне это не нравилось. Чувствую теперь себя использованной.

- Использованный бывает только презерватив. Его дважды уже не наденешь. А женщина только затроганной, - вставляет свое замечание Зарина. Она из яркой стриптизерши превращается в обычную женщину. Макияжа уже нет, волосы убраны в обычный хвост.

- Тогда я была затроганной. И это отвратительно, - кричу я. - Хочу домой, - устало произношу. Опускаюсь вниз, голову кладу на колени. Глаза закрывать нельзя - рискуешь заснуть.

Я думала раньше сильно уставала. Приходила со смены и заваливалась спать до обеда. Каждая клеточка была выжата до максимума. А сейчас она не только выжата, она испорчена и уже начала гнить. И гниение это необратимо.

Я одеваюсь в привычный спортивный костюм, в котором и приехала, и выхожу из здания. Парик пока на мне, макияж смою дома. Я отчаянно не хочу, чтобы хоть кто-то знал какая я. Образ, созданный мной, останется закрепленным за стриптизершей Нинель. Не хочу иметь с ней ничего общего.

Астра плетется следом. Зеваает на ходу и морщится, стоит нам выйти на улицу. Солнце ярко светит.

- До завтра? - Астра меня обнимает, проводит рукой по

волосам. Странная она все-таки.

- Да. До завтра, - прощаемся. Я подхожу к своей машине, та зазывно мигает.

Вскидываю голову к нему. Оно ясное. Ни облачка. Чистая голубая гладь. Дышу глубоко.

По чуть-чуть я начала свыкаться с мыслью, чем я занимаюсь теперь. Это просто работа, где нужно чуть больше позволить другим. И себе в том числе.

Внушаю это себе, заталкивая все чувства на задворки. Понимаю, что они никуда не денутся. Скорее всего, чем дальше я буду их задвигать, тем сложнее будет мне потом. В один прекрасный день я взорвусь вулканом. И это не про крышесносный оргазм. Это будет смертельное и убийственное действие.

Тру ладони друг о друга. Они все еще холодные. Щеки горят, грязное тело ждет прохладных капель. А руки... даже пальцы тяжело согнуть.

Я чувствую, что сзади кто-то подходит, дышит шумно в затылок. Этот кто-то берет прядь черных волос, рассматривает ее.

Мне не надо поворачиваться, чтобы узнать его. Горький табак, но в нем есть какая-то сладость. Олег раньше увлекался сигарами. У них специфический запах, ничего общего с обычными сигаретами. Аромат глубокий, с горькими нотками, а на языке остается сладость и привкус чего-то мужского, запретного и жгучего.

Мне так и хочется сказать, что раньше ты пах по-другому. Закусываю внутреннюю часть щеки.

Главное молчать. Не болтать. Не выдержу, если он все-таки узнает во мне ту Нинель.

Это же он меня так звал. Только звучало это нежно и ласково. А сейчас...

- Домой не торопишься, - говорит уверенно. Слова только растягивает.

По спине прокатывается холодок. А следом и мурашки. Меня всю от него потряхивает. Запах его, другой, аромат, другой. Я же не знаю уже этого человека. Он чужой. А чужой должно равняться опасности.

Но мое тело так не думает. Грязное, облапанное сальными взглядами считает, что человек, стоящий за моей спиной, самый желанный объект.

- Почему же? Очень. - Не терпится добавить, что меня дома дочка ждет. Сопит еще, наверное, сны видит. Хочу вдохнуть запах ее волос. Так настроение поднимается и чувство, что на все готова ради нее.

- А что тогда стоишь и в небо смотришь? - он сам поднимает взгляд вверх. Всматривается.

Делаю два вдоха. Хочу спросить его. На языке вертятся вопросы.

- Та девушка в зале, которая была с вами... Она? - жена? Любовница? Кто? Боже, неужели я это хочу у него спросить? У меня нутро жжет только от мысли, что он опять несвобо-

ден, а смотрит в мою сторону. Нельзя же не понимать, что он хочет меня. Сильно. До ходящих желваком и крепких кулаков.

Он закусывает нижнюю губу и улыбается. Я как дура наблюдаю и хочу сама закусить его губу. Желание возникает внезапно и резко. Убираю руки за спину, чтобы ненароком это не повторить.

- Знакомая.

А как с ней трахаться, Олышанский? Хорошо? А со мной как было?

- Оливкой вы ее так и не покормили. А она ждала.

Я украдкой следила за ними и ловила на себе жгучие взгляды Олега. Он так и не перестал смотреть за мной. От его взглядов становилось неуютно. Потому что я с другим мужчиной. Голая. А мышцы сводит от него. Мудака.

- Главное, что покормил тебя. Вкусно было? - провоцирует. Губы пылают. Он словно опять коснулся их и провел пальцем по границе. Облизываю и смотрю на Олышанского.

Безумно хочется поцелуя. Короткого. Только касание. Легкое, но уверенное.

Даже привстала на носочки.

А потом вспомнила. Я стриптизерша, а он мой начальник. Он мой бывший любовник, а я простая девчонка из бара. У нас ничего общего и быть не может.

- Я больше люблю маслины.

И ты об этом должен был знать. Слова эти колят язык.

- Понял. В следующий раз будут маслины. У меня в кабинете.

- Что? - смотрю и не могу поверить. Его взгляд кажется сейчас очень тяжелым. Он давит на меня. Превращаюсь в щепку - сгорю, никто и не заметит.

Олег только улыбается. Скалится. Все-таки я вижу оскал. Улыбался он по-другому. Мягко и приятно.

Внутри закручивается ненависть, и начинает бить крупной дрожью. Он предлагает мне, стоп, приказывает, его тон приказной, подняться в следующий раз к нему в кабинет.

Злюсь. На него, на себя, на весь белый свет. Злость плещется в глазах. Олег видит это, потому что проникает глубоко в душу своими ореховыми глазами и пьет эту злобу. И она кажется ему вкусной. Как оливки, черт бы их побрал.

- Танцуешь ты кстати так себе, - нагло заявляет.

Отворачиваюсь. Дышу часто. Хочу вцепиться ему и выпарапать ореховые глаза. Чтобы уже и не смотрел ни на меня, ни на мой стриптиз.

- А почему тогда я чувствовала твои руки везде, хоть ты и не касался меня, м? - приближаюсь и говорю в губы. Меня скручивает и кидает в разные стороны. И чувства такие же. Перекатываются от запредельного возбуждения до лютой ненависти.

- А хочешь? Чтобы касался? - носом ведет вдоль щеки и опускается к шее. Прикрываю глаза и сдерживаю стон. Боже, его дыхание обжигает. И я уже чувствую его губы, но он не

целует. И трясет всю. Сильно-сильно.

- Не больше, чем остальные.

Олег медленно прекращает свои действия, растягивает секунды. И смотрит уничтожительно. Держу удар. Потому что сама уничтожаю.

- Отдыхай, Нинель, - имя выделил, прокатил по языку. Было также вкусно?

- Всего хорошего, Олег Викторович, - отхожу на безопасное расстояние, пячусь к машине. Руки потряхивает, но я открываю дверь и быстро сажусь за руль. Олег наблюдает за мной. Никак не уходит. Я под его взглядом не могу сконцентрироваться.

Доезжаю до дома еле-еле. Глаза так и закрываются.

Дома тихо. Еще ведь раннее утро. Аленка сегодня ночь провела у Томки в соседней квартире.

Стучусь тихо в дверь. У нас есть свой шифр, чтобы точно знать, что в такое время чужой не зайдет.

- Привет, - Томка заспанная, зевает. Я повторяю за ней. Кто-то просыпается, а кто-то пришел с ночи. Мне необходимо поспать несколько часов, хотя бы до обеда, чтобы оставшийся день провести с Аленкой.

- Спят? - не терпится обнять дочь. Мой личный сорт героина. Он вызывает зависимость, но не вредит здоровью.

- Да. Аленка долго вчера засыпала. Переиграла, наверное. Она с Артемом шалаш строила на пол-комнаты. А тетя Тома потом пол-ночи его разбирала, - смеюсь. Эта маленькая хит-

рюшка заставит всех плясать вокруг нее. Только ты будешь делать это с радостью.

Томка всегда очень быстро говорит. Выразительно. Можно даже заслушаться. Предлагала ей идти озвучивать мультики или иностранные фильмы. Но... оказывается работая в клубах, деньги в кармане появляются чаще и быстрее. И их больше. Это затягивает. А сознаться, что вынырнуть из этого не можешь - сложно. Это значит признать свою слабость.

- Я хочу ее забрать. Как думаешь, проснется?

Будить дочь мне хочется меньше всего. Но просто до остервенения нужно ее обнять и зарыться в волосы. Они пахнут детским шампунем. А он такой сладкий! Конфетка. И сама Аленка как конфетка. Кисленькая немного, но самая любимая.

- Нет. Ты что? Их из пушки сейчас не разбудишь.

Подхожу аккуратно к дочери. Повернулась к стеночке, сопит, ресницы слегка подрагивают. Слезы напрашиваются. Но они не горькие. Скорее это слезы благодарности. И щемящая, всеобъемлющая любовь.

Переношу ее тихо домой, укутываю одеялом, которое она все равно ногами спустит вниз. Быстро снимаю парик, смываю с себя грязь и унижение и ложусь к ней под бочок. Ничем меня от нее не оторвать. Приросли друг к другу намертво.

Глава 8.

Просыпаемся от звонка домофона резко. Часы показывают двенадцать дня. Я проспала около шести часов. Аленка и того больше. Бурчит недовольно, ногами перебирает и одеяло скидывает.

Нет ни одной мысли, кто это может быть.

- Да? - голос спросонья кажется таким хриплым, не узнать.

- Эй, открывай давай!

- Куколка? - снова взгляд на часы. Путаюсь не только во времени, но и в днях. Издержки ночной работы.

- А ты думала кто?

Нажимаю на кнопку и слышу противное пищание - дверь открыта.

Куколка как всегда при параде - мелкие кудряшки, лак с блестками, яркие подведенные глаза и глянцевые губы. Сама улыбается открыто, обнимает, словно давно не виделись, и щебечет. Сейчас ее щебетанье немного раздражает. И сказать ей это ой как хочется.

- Ты чего такая веселая? И с утра пораньше?

Аленка выходит к нам в коридор. Пижама сползла. На голове бардак похуже моего. И сама она как маленький сонный гномик. Прямо с нее писали песню.

- А ты все забыла, да?

Смотрит на меня свысока - ее рост и высота каблучков поз-

воляют - руки уперла в бока и даже не улыбнется. Коза. Разбудила, поругала и молчит.

- Куколка, правда, не соображаю.

Говорю тихо и очень прошу, чтобы то, что я пообещала, никак не было связано с походом куда-нибудь. Будь то новый ресторан, кафе или мастер-класс по горловому минету. Однажды меня куколка затащила и на него. Было интересно, но до ужаса неловко.

- Кулинарные курсы! - сдается она, глаза выпучила. Большие они у нее, светло-голубые.

- Кулинарные? Курсы? Зачем они тебе?

Куколка не умеет готовить от слова совсем. И дело не в том, что не хочет учиться, а в том, что есть люди, которым это не дано. Вот Куколка одна из них. Вспоминаю, как она готовила ужин - ей так захотелось - и начинаю смеяться. С того дня, как мы с ней познакомились, она стала придавать моей жизни много ярких брызг. Скрашивала мою серость.

Могу ли я считать ее подругой? Фиг знает. Но то, что рядом с ней и правда расслабляешься - это факт. Легкая она. И легкость эту привносит не только в свою жизнь, но и в мою. Да и Аленка ее обожает. Вот стоит сейчас и жметесь к ней. Что-то на ухо шепчет.

- Нинелька, у меня, - косится на Аленку. Значит, разговор не для детских ушей, - появился кавалер. Хочу его удивить!

- А что? Курсы по, - теперь кошусь на Аленку я. Та уже увлечена киндером - куколка принесла, - горловому минету

прошли даром? - чуть тише говорю я.

- Фу такой быть, Нинелька, - и ухахатывается. Глаза горят, щеки покрываются румянцем, а губки складывает уточкой - настоящая куколка!

- Я в любом случае сегодня хочу провести день с Аленой. И так вижу ее только поздно вечером.

- Ох, вот что ты без меня бы делала? Там и детские кулинарные курсы есть. В одно время. Мы готовим...

Куколка начинает рыться в своем маленьком клатче. Достает немного помятую бумажку. Меня съедает любопытство. Честно говоря, отвлечься мне не помешало бы. Главное, чтобы там на столе не было оливок.

- Мы готовим цыпленка парминьяна по-итальянски и, - вчитывается, - панна-котту. А дети - пиццу.

Куколка машет буклетом словно флагом. Она ведь победила. Мне остается только сдаться ее напору. А когда смирилась, что придется выходить из дома и готовить на чужой кухне восхитительного цыпленка, стало радостно. Вот что еще с куколкой сделать? Умеет она и настроение поднять, и поддержать, даже не подозревая об этом. Наполняюсь такой благодарностью к этой козе. Подхожу и обнимаю ее. Искренне.

- Спасибо тебе, Куколка.

- Ты же пойдешь? Не будешь отмазываться? Я, между прочим, уже и предоплату внесла.

Она гладит меня по голове. А я отпускаю все свои обиды,

злость, апатию и стыдливость, которой пропиталась до кончиков волос. Гладит, гладит... И мне вдруг так захотелось ей рассказать всю свою историю. С именами, фотографиями, что еще хранятся где-то в альбомах.

Аленка доела киндер. Вся чумазая смотрит на нас и ничего не понимает.

- Поедем учиться готовить пиццу? - сажусь на корточки и спрашиваю Аленку.

Дело в том, что если она что-то не захочет делать, убедить ее невозможно. Надо изначально найти подход, чтобы ей стало в миг все интересно.

- А там не будет горошка? - морщится. Она его ну совсем не любит.

- Куколка? - смотрю вопросительно на свою гостью.

- Вот те крест! - я начинаю смеяться.

Мы собираемся быстро. Это первый раз на моей памяти, когда на мне практически нет косметики. Только легкий тон.

Куколка всех поторапливает, напоминает про время. В такие моменты ругаю и себя, и ее за то, что я согласилась. Не люблю, когда торопят. Сразу начинает все валиться из рук, а если не вываливается, то выходит все коряво и некрасиво.

В коридор выхожу последняя. Аленка уже стоит рядом с Куколкой и что-то они весело обсуждают. Вот они точно подружки. Шушукуются, закатывают глаза и смеются. Почувствовала легкий укол раздражения и зависти. Мне всегда мало эмоции дочери. Настолько мало, что сейчас хочу

забрать все, что она подарила Куколке. Детское такое, непосредственное.

- Ну что? Едем? - не хочу выдавать то, что чувствовала сейчас на душе. Это кажется неправильным по отношению к Куколке. Она не виновата, что я такая эгоистка и собственница.

Выходим из подъезда, и начинается легкий дождь. Аленка радуется. Выбегает и кружится на дороге. Ловит эти мелкие капли. И вот сейчас ей весело, настолько хорошо и сказочно - внутри просто разливается цветочный нектар. Хочется подхватить ее и вместе кружиться.

- О, а вот и наше такси.

Смотрю в сторону. Желтая Октавия заезжает во двор.

- Ты же не забыла про детское кресло? - не сяду в машине, если там его не будет. Постоянная тревожность. Она нарастала с каждым днем, как я стала мамой. Иногда выходило за рамки, что дышать бывало трудно - настолько я за Аленку боюсь. А когда мы узнали о диагнозе, так душа просто постоянно ерзает внутри, беспокойно ей.

- Обижаешь. Все в лучшем виде. И это даже не эконом.

- Куколка! - беру ее под руку. Потребность обнимать перебегает и на нее.

Помогаю Аленке. Та не может спокойно усидеть. Постоянно ей нужно движение.

- Вы можете только не курить в салоне? - настоятельно прошу водителя. - Моей дочери нельзя вдыхать сигаретный

дым. Спасибо.

Благодарю сразу. Даже его ответ не хочу слушать. Он не может быть никаким иным кроме как согласие.

- А знаете что? - Куколка поворачивается к нам с переднего пассажирского сиденья.

- Что? - с интересом спрашиваю.

Мне кажется, этот день сулит множество сюрпризов. Ощущение трепета какое-то непроходящее. Давно такого не было. Ценю каждый момент. Завтра уже будет все по-другому. Я проживаю несколько жизней. И все они отличаются друг от друга. Но эта самая любимая.

- А может потом в кафе-мороженое? М? Или в ГУМ за ним? Говорят, его по-новому украсили? По-летнему, - Куколка спрашивает, но смотрит то на Аленку. Понимает, хитрая коза, что если захочет Аленка, то мне уже не отвертеться.

- Да! - Дочь кричит. И хохочет, будто ее щекотят. Даже водитель улыбается.

- Что вы со мной делаете, а? - треплю ее за кудряшки. Любимые, нежные, золотые, родные. Пахнут конфетой и счастьем. Моим счастьем.

- Мы едем около часа. Пробки. Куколка начала уже нервничать. Вон покусывает дорогуший маникюр, которым хвалились на прошлой неделе.

Таксист останавливается, а мы выбегаем. Оказывается, и правда опаздываем.

- У тебя такой страх на лице нарисован, Куколка. Ни разу

такой не видела за все наши два года общения.

- И не говори. Жуть, как волнуюсь. И жуть, как опаздываем. Предоплата еще эта не возвращается... - сетует, бормочет себе под нос. И бежит первая. Мы с Аленкой следом.

- Кто бы знал, что ты так боишься опоздать на кулинарные курсы... Кавалер, наверное, очень понравился, - кричу ей.

Куколка резко останавливается и оборачивается ко мне. Губы поджала и дыру прожигает на мне. Коза. Вредная и противная.

- А вот не надо сейчас, Нинелька! Понравился, конечно. А ему видите ли итальянскую кухню подавай.

И бежим дальше. Осталось немного. Мы вроде как девушки в спорте. Чем танец у шеста не спорт? Еще какой! Но дыхание сбивается. Смотрю на Аленку. Переживаю. Ей бегать очень не рекомендуется. Иногда останавливаемся, переводим дыхание.

- Эй, шеф-повар, а почему нас такси высадило так далеко от этой студии?

- Парковки нет там. Точнее все за шлагбаумами. Это ближайшая точка. Нам еще по лестнице подниматься, - ноги уже Куколка еле переставляет.

Конечно, кто в своей выходной будет надевать туфли? Куколка. Только она. Не помню, чтобы она вообще носила кроссовки. Если только утром в них бегают.

- Ты как, Ален? - сердце не на месте, если приходится пренебрегать правилами врача.

- Хорошо. А где пицца?

- Скоро, солнышко.

До студии и правда подниматься на последний этаж. Но хорошо, что она в торговом центре и есть такое волшебное чудо как эскалатор. Никогда так ему не радовалась как сейчас.

Приключение, а не день. Сразу забываешь о том, что с тобой было несколько часов назад. Будто и правда все происходило во сне. Или я сейчас сплю. А стоит мне проснуться - и красный интерьер с множеством мужиков на диванах. Смотрят, любуются тобой и хотят. Тогда я не хочу просыпаться.

- Вот, ура, мы пришли, добро пожаловать, милости прошу, - Куколка перечисляет все. И, наконец, улыбается.

Мы совсем чуть-чуть опоздали. Быстро моем руки, надеваем фартуку. Аленка идет в соседнее помещение. Там слышится детский смех, шум и много веселья. Все, как она любит. Убегает, даже не попрощавшись. Ну и пиццу она очень любит.

- А нам туда, - Куколка идет первая.

Она никогда ничего не боялась. Я же трусиха. Удивляюсь, как еще решилась танцевать на сцене. Возможно - танец это все, что умею. И нравился мне он всегда.

Несколько пар и мы с Куколкой. Смотримся чуждо. И смущаюсь как всегда только я. Прячусь за ее спину и жду какой-то похвалы и поддержки, что все правильно, все хорошо.

- Ты чего?

- Тут все такие деловые, уже познакомились. И мы заявляемся... опоздали. Нехорошо мне здесь, - делюсь с Куколкой.

- Ты пятишься назад, Нинелька... - она злится. А мне не хочется, чтобы она чувствовала злость.

- Нет. Страшно просто. А вдруг, - хватаю ее за руку, - вдруг не получится?

- У тебя то? Тебе еще все завидовать будут!

Скованность отступает. Даже прилив сил какой-то чувствую. Я ведь внутри себя очень неуверенный человек. Всегда такой была. Потому что никогда не понимала, я хорошо что-то делаю или плохо? Я молодец или нет? Мама же могла только поругать. Ну или молчать.

Нехорошие воспоминания. Если я сплю, то не хочу их привносить сюда.

- А ты знаешь, я уже дома посмотрела ролики на Ютубе, - Куколка шепчет мне.

Мы стоим самые крайние. Наказание для опоздавших. Лучшие места около повара заняли первые пришедшие.

- Еще скажи, что и готовила, - отвечаю. Улыбка растягивает губы.

А хочется смеяться. В этом вся куколка. Она же будет делать сама себе маникюр перед маникюром и эпиляцию перед эпиляцией.

- Пробовала. Получается фигня. Сказала бы хуже, но не буду.

- Ну тогда после сегодняшнего твой кавалер точно оста-

нется в восторге. Такие жертвы... - подшучиваю на ней. Получаю локтем в бок. Морщусь. И смеюсь.

Мы слушаем повара. Он говорит быстро. И делает все быстро. Повторить сложно. И тяжело. Кошусь на разделочные доски других участников и опускаю взгляд. У меня не так. Не то, чтобы я стремилась к идеалу, но опять какой-то неполноценной себя чувствую. Так и хочется отбросить все и закричать.

- Эй, ты чего? - Куколка чувствуют смену настроения.

- Посмотри на него. Его убили, он стал жертвой. И была хрупкая надежда, что станет прекрасным обедом. А он ... глупая у него смерть.

- А по-моему хорошо получается. А вон у того мужика точно нет! - указывает кончиком ножа. Скрываю улыбку, - ну и у меня так себе.

Ободряет меня, посмотри-ка. Но ведь получается. Какие-то простые слова, и веры в себя становится больше.

Режу, стругаю что-то. Или, правильней будет сказать, шинкую. Даже нравится теперь эта суматоха за столом. И запахи. Как тут вкусно пахнет. Уже не терпится попробовать мой шедевр. Ну да, он именно такой. Может, слегка пересоленный, но я сделала его сама.

- Вот смотрю я на твое блюдо и думаю... Помнишь, эпизод в "Отчаянных домохозяйках"? Там за Габи пирог готовила Бри? Может, мне тебя попросить приготовить этого дохлого цыпленка, мать его, парминьяна? А? Ну что зря продукты

переводить? Я в любом случае своего испорчу.

- Ты меня переоцениваешь.

- Нет, Нинель, - голос становится в меру строгим.

Куколка чуть старше меня. И когда она говорит именно таким тоном, правда вслушиваюсь.

- Это ты себя недооцениваешь. Ты замечательная, умная, талантливая.

Мы садимся за стол пробовать свои блюда. То, что так долго ждала. Из другого зала слышны смех и веселые голоса. Значит, дети тоже сели пробовать свою пиццу. Представляю и вижу перед глазами восторг Аленки. Друзей уже себе нашла. Она у меня очень общительная.

- На, - протягивает мне кусочек своего цыпленка. Кошусь подозрительно. Выглядит и правда хуже моего. Желание съязвить зашкаливает. И я первый раз чувствую что-то вроде удовольствия, что у кого-то хуже, чем у меня.

- Прости, Куколка. Но если твоя идея с “пирогом” не отменяется, то я готова тебе помочь.

- Я же говорила!

Куколка откусывает моего цыпленка и закатывает глаза, - а я жадно впитываю ее эмоции. Если она не играет, то ей и правда нравится.

- Я в восхищении!

- Вкусно? - теплая волна расползается внутри. Это и правда приятно, когда у тебя получается и тебя хвалят.

- Еще как! Хотела бы спросить рецепт, но не буду, - и сме-

ется.

Мы едим в молчании дальше. А меня теперь терзает мысль, что нужно поделиться с Куколкой последними событиями. Я же скрыла от нее про свое место работы, молчу про Ольшанского. И разрывает изнутри от пережитых эмоций. Могу не справиться.

- Куколка?

- М?

Откладываю приборы. Я ела так быстро, что все остальные еще орудут вилками. Даже сама Куколка.

- Я теперь стриптизерша, - и опускаю взгляд. Что если она разочаруется во мне? Мысль колючая.

Куколка прожевала свой кусок, откинула вилку с ножом в сторону. Звонко так. Смотрю по сторонам, не хочу, чтобы кто-то был свидетелем нашего разговора. Это все еще стыдно.

- И узнаю я это только что? Не за бокалом вина под вкусный сериальчик?

- Прости. Я хотела тебе признаться раньше. Но... я боялась, что ты не поймешь.

- А вот сейчас обидно. Я и не пойму, - снова голос становится строже. Кожу бедра снова чешу в нетерпении. Дурная привычка. - Иногда мне твою маму хочется так стукнуть...

Опускаю взгляд. Мы обе понимаем, к чему была сказана эта фраза.

- Рассказывай давай. Стриптизерша Нинель, - звучит гру-

бо, но я радуюсь. Как дурочка.

- Аленкино лечение, поездка к морю... - замолкаю.

- Деньги?

- Да. Я поработаю только чуть-чуть, накоплю на нужную сумму и вернусь обратно в свой клуб.

- Могла бы у меня взять, - обиженно так говорит. Хочется успокоить, сказать, что она первая бы к кому я обратилась. Но не в этом вопросе. Сумма немаленькая.

- Вчера была первая смена.

- Как ты, солнышко? - один ее вопрос, и слезы хотят потоком хлынуть из глаза. Я чувствую противный ком в горле, потому что сдерживаю их. Они предатели капают и капают, не спрашивая.

- Чувствую себя мерзкой и использованный. Поправка, затроганной. Но меня никто не касался.

- Не хочешь?

- Я этого точно не переживу.

И рассказываю все с самого начала. Не упуская детали. Чувства, эмоции, про новых знакомых. Только Ольшанского оставляю напоследок. На сладкое.

Аленка вбегает к нам и бросается мне на шею. От нее пахнет вкусной пиццей. Целую в щечки, глажу волосы.

- У меня была самая вкусная пицца, - уверенно заявляет. В такие моменты я безумно радуюсь, что она не как я. Аленка уверенней в себе. Мне остается только поддерживать ее в этом. И она умничка просто уже потому, что есть у меня.

- Да ты что? - Куколка тоже искренне радуется, - а у меня самый ужасный цыпленок. Хочешь попробовать?

Аленка морщится и затыкает пальцами нос, будто противно пахнет. Маленькая актриса.

- Сама ешь. Я не буду.

Мы выходим с мастер-класса довольные. Это первый, за который я Куколке еще не раз скажу спасибо. Ее кавалер сыграл хорошую службу только потому, что любит итальянскую кухню.

Вниз спускаемся уже медленно. Мы наелись, спешить больше никуда не надо. Аленка вспоминает про мороженое, ГУМ и прогулку. Видя ее яркие глаза - отказать нельзя.

Проходим крутящиеся двери. На улице уже во всю светит солнышко. Прикрываю глаза и вдыхаю.

- А еще я там встретила свою первую любовь, своего первого мужчину, - говорю очень тихо, чтобы Аленка не слышала. Она крутится рядом пока.

- Что? - Куколка шипит.

- Он владеет этим клубом.

- Можно ругнуться?

- Нет. Алена... - взглядом указываю на подвижного гномика рядом с собой.

- И... какой он?

- Сексуальный, очаровательный и обворожительный... मुदा.

- Чудесно! А мне ругаться не разрешила.

- Он меня не узнал, - опережаю ее вопрос, - и не хочу, чтобы узнал.

- Врешь. Хочешь, еще как.

Может, и вру. Только самой себе то в этом страшно со-
знаться.

Аленка хватается меня за руку. Я сразу понимаю, что что-
то не так. Рука у нее ледяная стала.

И дыхание...

Короткий вдох и удлинённый выдох с хрипами.

- Алена! - паникую.

Смотрю по сторонам. Не понимаю, что могло вызвать при-
ступ. Вспоминаю каждую мелочь. То, что могло спровоци-
ровать. И ищу ингалятор в сумочке. Он всегда со мной. Без
него не выйдем из дома.

Перед глазами ее первый приступ, когда думала, что она
может умереть. Ее бледное личико теперь ничем из памяти
не вытравить. Я будто побывала в аду в те минуты. Самые
страшные, ужасные и темные.

Краем глаза замечаю мужчину с сигаретой. Он стоит по-
одаль от входа. И курит. Отчаянно выдыхая дым в сторону.

Мы на улице, табачный дым не сразу долетает до нас, не
сразу почувствуешь его. Но Аленка... более чувствительна
к таким аллергенам.

- Вот, держи, моя дорогая, - нахожу этот долбанный инга-
лятор. Аленка уже знает, что делать. Вижу страх в ее глазах.
Он всегда там, когда приступ. И меня сковывает по рукам

и ногам, долго трясет. Со временем научилась справляться с таким состоянием. Потому что кроме меня ей может и не кому помочь.

Куколка обнимает Аленку. Она больше не улыбается, не веселится. Да и настроение сходит на нет.

Подхожу к этому мужчине и грубо вырываю сигарету. Знаю, не виноват. Виновата я, что не уследила и не увидела.

- Эй! Охренела?

- Охренел ты! У меня у дочери приступ из-за твоей сигареты! - выплевываю слова.

- Вот и следи за ней тогда! - он достает другую, прикуривает и нагло смотрит. Ненавижу.

Куколка уводит меня подальше от него. Аленка идет еле-еле. Усталость, переизбыток эмоции и завершающий штрих - ее приступ. Ей всегда плохо после него, мне еще хуже.

- Куколка, я думаю, мороженое сегодня отменяется.

- Да, я вижу. - Наклоняется к Аленке, обнимает ее и гладит по волосам.

Мы вызываем два такси и ждем молча. На душе пришли тучи. Стало грустно и тревожно.

- Эй, - стучится она в окно. Наше такси подъехало первым, - Ты самая лучшая. У тебя все получится! - Куколка сжимает мою руку и отходит.

Таксист трогается с места. Аленка засыпает в машине. Я же не могу сомкнуть глаз, хотя усталость тоже накатывает.

Воспоминания этого дня чередуются с картинками из

клуба. Олышанский перед глазами, его порочные олилки, будь они неладны, потом мой вкусный цыпленок и приступ Аленки.

Заношу ее на руках домой. Она проснулась, но положила голову мне на плечо и молчит. Понимаю, что вечером она будет грустить. Я прочитаю ей сказку, попробую расшевелить. Только это бесполезно. После приступов она всегда такая: закрытая, безрадостная и немного сонная.

А мне физически плохо, когда Аленка такая. Даже чувствую себя какой-то неправильно мамой, ненормальной. Понимаю, что ее проблемы со здоровьем - не моя ошибка, но все равно сильно себя виню.

Глава 9.

Олег.

Два последних дня вышли очень сумбурными. А я не люблю, когда сливается все в одну кучу. Ее не разгрести потом.

Проблемы в одном из ночных клубов: очередные разборки. Пришлось закрывать заведение раньше положенного, вызывать ментов. Игнат еще попросил помочь ему с открытием ресторана. Решился, наконец-то. Ну и запуск стриптиза. По задумке он должен быть камерным, небольшим местом, куда можно прийти и расслабиться. Без жести.

Когда изучал этот вопрос, какой только информации не находил. Вплоть до кроватей в приват-комнатах. Это как надо не любить и не уважать себя, чтобы крутиться у шеста, раздеваться, еще и позволять трахать, как говорится, у станка.

- Олег Викторович, - охранник у входа. Забываю все время, как его зовут. С именами у меня так часто бывает. И исправиться не получается. Всю жизнь таким был, - Игнат просил передать, что в кабинете Вас ждет. Приехал полчаса назад.

Киваю, что понял.

Сегодня вообще дома хотел побыть, но открытие клуба это не просто появиться в первую ночь и забыть. Даже полностью доверяя Игнату, хочется сотый раз все проверить. Не

за ним. Это банальная прихоть все контролировать. Тотально. Привычка, которая со мной всю сознательную жизнь. Не люблю косяки и нарушение правил.

В кабинете сразу вижу Игната. Сидит на диване с ноутбуком.

- Привет, - пожимаю руку и прохожу к столу. Не хочу сегодня задерживаться. В этой суматохе даже и поспать толком не успевал. И сейчас рубит пиздец.

- Привет. Олег, я скинул тебе афишу по мероприятиям. Глянь. Там еще одни девчонки классную программу придумали. Я их пригласил. Пока наши будут развлекать в зале, те выступать на сцене. Везде красота, нагота и возбуждение, м? - откидывается на спинку дивана.

- Ок. Что у тебя с рестораном?

Подхожу к панорамному окну. Мой кабинет на втором этаже. Здание небольшое, но в два этажа. А я люблю смотреть на зал. Снова контролирую.

- Ремонт. Спасибо за то, что подсуеллся со спонсорами. Да и вообще помогаешь.

- Терпеть не могу вот такой вот тон, - нервирует. Я вообще сейчас не сильно спокойный. Усталость сказывается, - простого спасибо мне достаточно.

В зале людей больше, чем на днях. Девчонки сидят за столиками. Время уже за двенадцать. Все разделись. Одна повела на приват кого-то.

- Игнат, а кнопки работают? В приватах?

- Должны.

- Должны? Ты проверял?

Не хочу никаких эксцессов.

- Да работают, работают, - спрятался за ноутбуком, печатает что-то. Афишу еще одну что ли делает?

Скрещиваю руки на груди. Наблюдаю. Девчонка светленькая мило воркует с каким-то толстым мужиком. Смеется, забавно откидывает голову, чтобы лучше обзор на шею и грудь открывался, проводит рукой по его плечу. Пальчиком. Закусывает губу. Все приемчики уже выучил. Все это напускное. Игра.

А потом замечаю другую. Темненькую. Короткие волосы - ровное блестящее полотно. Губы манящие, сочные и бледские. И фигура... вспоминаю как танцевала, и в паху сразу тяжелеет.

- Игнат? - перевожу взгляд. И торможу. Чувствую себя каким-то возбужденным подростком, что смотрит на голую бабу на картинке и по-тихому дронит в туалете.

- М?

- Расскажи про девчонок.

- Каких?

- Ну, которые у нас танцуют. Я же только на прослушивании их видел. Но как-то мельком, - отворачиваюсь.

Темненькая села за стол к какому-то мужику. Близо не решается сесть. А тот мутила двигается к ней. Вижу тусклую улыбку на ее лице. Она будто позволяет ему приблизиться. Разрешает, блять. Ты стриптизерша, тебя должны лапать за

деньги!

Раздражает смертельно.

И хочу ее смертельно.

Игнат откладывает ноут. Странно улыбается. Сучонок.

- Что? - не люблю вот эти вот недомолвки. Когда он хочет что-то спросить, но молчит и сверлит взглядом.

- Про кого конкретно хочешь узнать? Зарина? Астра? Кто еще? Нинель?

Ее имя он произносит по-другому. Более мягко как-то.

Подхожу к бару и наливаю себе виски. Захотелось залить в себя грамм сто, а может, и все двести. Нехороший разговор. Мне не нравится.

Игнат здорово мне помогает с клубами, но вот когда выпытывает что-то... Дурдом. Как бабы какие-то. Секретики, тайны, интриги ...

- Про черненькую, что с каре, расскажи. Она еще упала на прослушивании.

В тот момент еще усмехнулся. Смотрела волком на всех, раздеться не может. А в стриптиз идет. Как она работать собралась?

- Нинель, - тянет ее имя. Или это псевдоним? А меня только от ее имени уже член напрягается.

- Она.

- А что хочешь узнать? Анкету ее ты видел.

А что ответить? И сам не знаю, что хочу. Да ничего не хочу. Не могу понять, почему из всех девушек в зале я смотрю

на нее. И на тело ее. Прикрываться старается. Стесняется. Но смотрит на всех свысока. Гордая, блять. Деньги получать она не гордая, а вот дать себя потрогать, так она запрещает и отсаживается.

- Почему она пошла в стриптиз? Как думаешь? Реальная причина?

Игнат скрестил руки на груди. Стоит рядом и сканирует зал. Нас с той стороны не видно, а мы замечаем каждую деталь.

- Легкие деньги, что ж еще.

И молчим.

Нинель ушла с этим мужиком в комнату привата. Идет сзади него, голова опущена. Поведи она так со мной, пошла бы нахер, а не пять косарей за пять минут. Если мужик платит деньги, он и должен от этого удовольствие получить, а не кислую мину и ощущение, что ты тупое похотливое животное. Именно так она и думает. Сучка.

- Она что-то выпила перед первым выходом, - слова как обухом по голове.

- Блять, наркотики? Игнат, первого тебя уволю, - бешусь. Таковую грязь я разводить не позволю.

- Нет. Возбудитель какой-то. Может виа-гру, хер их знает. Тряслась вся, как листочек. Такой невинной выглядела. Даже как-то обнять захотелось, - он только потом понимает, что сказал лишнего.

Получается, она и вела себя так нагло со мной из-за этого

возбудителя? Не игра, не она сама, а дурацкая таблетка?

- А сегодня? - в зале ее еще нет, все в комнате. За каким-то хером это подмечаю.

- Вроде нет. Волновалась меньше. Хотя что ей париться? Тело роскошное, - наблюдаю за ним. А его глаза так и пытаются в зале выпепить кого-то. Взгляд бегаёт. Нинель тоже ищет?

Ругаюсь. Стоим два нормальных мужика и ищем одну стриптизершу.

Закатываю рукава рубашки. Жарко стало. Наливаю еще порцию виски. Выпиваю снова залпом. На голодный желудок виски быстро пьянит.

Она выходит из комнаты первая. Быстро перебирает ногами на своих туфлях. Сегодня они не такие высокие. Просто аккуратные, блестящие босоножки. Я каким-то хером помню, в чем она была в прошлый раз. И платье помню - золотое.

Подходит к бару вся расстроенная. Что? Потрогали ее без разрешения? Обиделась?

Мужик вальяжно возвращается к столику. Откидывается на спинку кресла и что-то заказывает. Лицо расплывается в улыбке и ищет теперь новую стриптизершу, свободную.

- Вернулась, - говорю вслух. На какое-то время забываю, что стою не один. Игнат только хмыкает.

- Потерянная она. Может, уволить? - тон заставляет напрячься. Я понимаю, что такая стриптизерша мне не нужна. Но не могу. Пока не могу. Какое-то нервное напряжение

прокатывается по телу.

- Нет. Пусть работает.

Игнат кивет. Я шумно выдыхаю.

Нинель поднимает свой взгляд. Смотрит ровно на меня, но она не знает этого. Не видит ни меня, ни Игната рядом.

Нервное возбуждение перерастает в просто возбуждение. Член наливается только от одного такого высокомерного взгляда. А при виде ее острых сосков, упругой груди и манящей задницы - сносит крышу.

Я хочу ее трахнуть. Будто у меня не было секса сотни лет. Только вчера вот пересекался с Даной.

Она, блять, стриптизерша. А я не занимаюсь сексом с шлюхами, проститутками и стриптизершами.

Нинель, черт бы ее побрал...

- Позови ее ко мне. Сюда.

- Олег, - Игнат поворачивается ко мне. И хочет что-то сказать, но подбирает слова.

Он тоже хочет ее трахнуть. Приехали. Два мужика зациклены на одной стриптизерше.

- Понравилась, да? Игнат?

Ухмыляется и взгляды бросает в зале. Следит за ней.

Молчит. Ответа так и нет.

Вспоминаю про оливки, маслины. И уже мечтаю одну засунуть ей в рот. Потом, может, еще что. Фантазия разыгрывается не на шутку.

- Зови. Надо старшим уступать, Игнат, - улыбаюсь ему. Но

улыбка далеко не добрая. - И попроси кухню оливки с маслинами мне принести. Будь другом, - руку кладу на плечо. Сжимаю. Скалюсь.

- Гаденыш, - его улыбка такая же грязная. Против меня не пойдет. А ссориться из-за стриптизерши он точно не станет.

Игнат уходит. Медленно, словно специально.

- Эй, тебе никто не мешает занять потом другую комнату. С ней.

- Она запрещает к себе прикасаться.

- Это проблема? Для тебя? - показываю купюры, - предложи чуть больше. Ей же нужны деньги.

- Ты еще и мудак, Ольшанский.

Ржу в голос.

Он уходит громко хлопнув дверью. Обиделся что ли? Что Нинель подрезал у него?

Вижу, как Игнат подходит к ней и шепчет на ушко. Догадываюсь, что именно. Ее взгляд меняется. Становится ледяным, уничтожающим. Почему-то это возбуждает еще больше. В голове такие картинки мелькают... еще жарче становится в кабинете.

Нинель поднимается с барного стула, снова стреляет в мою сторону. Может, знает, что наблюдаю за ней? Чувствует?

И несет свое шикарное тело наверх, ко мне.

Потираю руки.

Вот ты и попалась сегодня, птичка.

Глава 10.

- ... Поэтому я и говорю, как можно было повесить этого щегла? Я проработал в этой компании херову тучу лет! Я столько бабла им принес! Вот этими самыми руками! Я! А не этот щенок!

Мужчина, он назвался Алексеем, подозвал меня к себе сразу после выступления. Сегодня прошло лучше, чем в прошлый раз. Я просто закрыла глаза и никого не представляла. Танцевала для себя. Так ведь можно?

Стыд никуда не делся, и чувство уязвимости каждый раз становится тоньше, но острее. Я просто загоняю его подальше. Потому что... надо.

- Эй, ты меня слышишь? - Алексей вроде как ласково проводит рукой по моему оголенному плечу. Морщусь и отвожу взгляд. Мне неприятны его касания. Настолько, что я чувствую отвратные следы его пальцев на коже. Хочется смахнуть их, стереть жесткой мочалкой до кровавых следов.

- Да, - вытягиваю улыбку.

- Ну вот... а этот козел еще и ходит по офису такой гордый, мать его, будто знает больше всех. Блять, пришел бы его.

Беру заказанный коктейль и делаю несколько крупных глотков. Хочу опьянеть. Чтобы разум вело, мысли путались. И улыбка была пьяной. Тогда ее не надо выдавливать из себя.

Он облизывает губы. Они тонкие и шелушатся. И еще его постоянные причмокивания и цоканье. Внутри закручивается тотальное неприятие.

- И понимаешь, в чем дело?

- М?

- Руководство ведь мне пообещало это кресло, но он сын какого-то там начальника, блять!

Половину слов пропускаю мимо ушей. Просто стараюсь улыбаться, через силу касаюсь его. Астра сказала, что это нужно с периодичностью делать. Такая вот своеобразная поддержка. В стриптиз мужчины приходят не только за голым телом, но и просто, чтобы их выслушали. Думаете, это их хоть как-то оправдывает? Для меня - нисколько.

- А ты что? - глупый вопрос, который задаю. Мне не нужен его ответ. Мне вообще ничего от него не нужно. Только, чтобы он ушел, отстал от меня или поискал другую.

- Ничего.

Его рука касается бедра. Дыхание останавливается. Жизненно важное, необходимое мне. Его руки влажные и холодные. Мне неприятно. Не могу представить, если он решит коснуться груди, или просто руки поведет вдоль бедра, до резинки трусов. Не выдержу.

- Пакость какую-нибудь сделаю, - и смеется. Дико так, как самое настоящее животное. Его смех раздражает.

Он выпивает залпом бокал пойла, который пахнет горечью. Рука остается на моем бедре. Не хочу этого. Просто

терплю и снова мило улыбаюсь. Мне кажется, что улыбка выглядит милой, а в душе я скалюсь. Он сжимает слегка, не до боли. Глаза сверкают. Огонек в них такой опасный. Его улыбка становится наглой.

- Пойдем в приват. А? Станцуете мне.

Он устался на мою грудь, которую сейчас не прикрыть. Нельзя так делать. А руки так и тянуться к ней. Хочу защитить себя и свое тело. Выходит скверно. Я, получается, очень странная и неправильная стриптизерша.

Молча встаю и направляюсь в маленькую комнату. Она тоже в красных тонах. Свет направлен на небольшое возвышение с шестом. Небольшой диванчик и столик с тревожной кнопкой. Именно она и удерживает меня. Я знаю, что в любой момент кто-то придет ко мне на помощь.

- Уютненько.

Ни черта. Так и хочется высказать ему это. Здесь паршиво.

- Присаживайся, - говорю мягко. А внутри зреет протест. Я правда не знаю, сколько так продержусь. Во мне пару коктейлей и только сейчас я начала чувствовать некое подобие опьянения. Ноги слегка заплетаются, как бы не упасть. Но легкости и беспечности нет и в помине. Где эта пресловутая открытость и беззаботность, что бывает после нескольких бокалов спиртного? Может, я какая-то неправильная?

Иду к возвышению. Танцую. А в душе горю на самом ярком и опасном огне. Извиваюсь у шеста, смотрю на него, словно он Бог: красивый, желанный. Играю. По-другому ни-

как.

Я даже позволила себе чуть больше. Подошла к нему и водила руками по его телу. Заставила себя, переступила.

Мучение заканчивается через пять минут. У меня в руках пять тысяч. На большее он не раскошелится. Мерзавец. Ненавижу. Эта ненависть читается во взгляде, уверена. Но он молчит. Молча проходит к своему столику и высматривает другую. Ему нужно разнообразие. Мое тело он уже изучил. Могу поспорить, в мыслях делал со мной невообразимые вещи. Я видела это у него во взгляде, читала в словах.

- Нинель, поднимись к Олегу. Пожалуйста, - Игнат подходит практически незаметно. Взгляд опущен, на меня почти не смотрит. Мажет только, и все.

Холодок прокатывается по клеточкам, охлаждает.

Олег.

Его я тоже ненавижу.

Но тело реагирует.

Я словно чувствую его взгляд, его руки на себе...

- Зачем?

Игнат молчит. Но смотрит в глаза. Они красивые даже при таком свете. Темные, шоколадные какие-то. Он как-то грустно ухмыляется. Так делают проигравшие.

- Нинель. Так надо.

Поднимаюсь, а в душе закипаю. Бурлит там все, кипятком обжигает. Волнение в каждом шаге, в каждом вздохе. Мне страшно. Страшно быть с ним один на один, страшно то, что

будет в его кабинете.

Лестница кажется очень крутой, неудобно подниматься. Замедляюсь и перевожу дыхание. Руку прикладываю к груди. Сердце бьется очень часто. Того и гляди выскочит. Это становится больно.

Стучусь в дверь. И чего-то ждут.

- Заходи, - его голос разносится эхом. В моем сознании. В голове вообще пусто. Ни одной мысли. Даже воспоминания покинули меня. Пустота и одиночество. И его голос, некогда такой любимый. А сейчас он властный, повелевающий. Ослушаться, значит, нажить себе врага. Такого Ольшанского я не знаю.

- Добрый вечер.

Снова желание прикрыть грудь. Хоть маленьким клочком ткани.

Олег обводит меня хищным взглядом. Вглядывается в каждую клеточку, что начинает гореть в его ореховых глазах. Душно. Чрезвычайно. Мне нужен кислород, глоток свежего воздуха.

Только... мне нравится это взгляд. Из всех присутствующих здесь мужчин, только под его взглядом мне и жарко.

- Привет, - его голос низкий, вибрирующий.

Дыхание замедляется. Кажется, что теряю сознание.

Ольшанский в белой рубашке, рукава закатаны. В руке бокал с янтарной жидкостью. Сексуальный и возбуждающий.

Ох, какая ты грязная, Нинель.

Вспоминаю наши ночи. Их было не так много, но каждая отзывается томной болью внутри.

- Как приват? - он видел, наблюдал за мной.

- Замечательно.

- И все? Все твои слова? - он приближается ко мне медленно. Каждый шаг - несколько ударов сердца.

Отвожу взгляд в сторону. Когда смотрю на него, в его глаза - вижу того Олега, что знала. Нежного, страстного, любимого. А сейчас передо мной другой человек.

- А что ты хочешь услышать?

- Что ты делала? - уже шепчет на ушко. Вибрирующий голос заставляет покрыться мурашками. Я в его власти. Понимаю это. Только часть меня сопротивляется этому. А другая...

Приближаюсь к его лицу. Горький табак врывается в поры. Запах настолько тяжелый, что я чувствую его своей кожей. Он давит. А в животе закручивается спираль удовольствия и какого-то кайфа. Неправильный кайф, запретный. Я в этом ему никогда не признаюсь.

- Танцевала. Мои руки гладили себя, ласкали. Глаза прикрыты и я много, что представляла, когда он на меня смотрел.

Отхожу. Черным взглядом бью его. Хлещу жестоко. И получаю удовольствие, когда его кадык дергается, он сглатывает слюну, пальцем проводит по подбородку. Ореховые глаза становятся темными. Бликов нет.

- Тебе понравилось?

- Нет.

Смотрим друг на друга. Ни улыбок, ни флирта. Он хочет меня, я это знаю.

В его кабинет заходит один из официантов с подносом. На нем закуски и два бокала.

- А ты не терял времени. Подготовился, да?

- Ты говорила, что любишь маслины.

- Заставишь их есть? - обхожу столик и усаживаюсь на диван. Ноги еще трясутся. От его взгляда, его запах, такого мужского и развратного. Боже, его запах и правда развратный. Я как шлюха готова выполнить любое его желание.

- Сама захочешь, - говорит слегка грубо.

Ольшанский присаживается рядом. Очень близко. Я чувствую его. Между нами нет свободного пространства. А я не отодвигаюсь ни на миллиметр. Хочу, чтобы горечь табака захватила меня полностью. А еще сладость. Сладость момента и нотки его парфюма. Может он то и сводит меня с ума. Не алкоголь, не близость такого мужчины, а просто сладкие ноты какого-то цветка. Душного, немного приторного.

- А ты любишь? Оливки?

Я знаю ответ. Он их терпеть не может.

Беру одну и погружаю в рот. Смотрю в глаза и мычу от удовольствия. Кто бы мне сказал, зачем я так делаю. Провоцирую его, дергаю тигра за усы. Наверное, мне просто доставляет удовольствие его взгляд на мне. Он смотрит так же,

как и пять лет назад. Мое тело и тогда вызывало какое-то немое восхищение в его глазах. Я ловила эти импульсы и чувствовала себя самой красивой и желанной. Как сейчас. Не с этими толстыми мужиками, а с ним, с Олегом.

- Пей, - указывает на коктейль. Он ярко-красный, как и все в его заведении. Не помню, чтобы он любил этот цвет. Да и я не люблю.

- А ты?

- У меня свой.

- Виски? Ты любишь его. А еще коньяк. Хороший, выдержанный, - Олег прищуривается и изучает меня. Взгляд пока держится на уровне лица и моих глаз.

- Ты права. Виски, коньяк.

- И Лонг-Айленд. Почему-то мне кажется, тебе он тоже нравится.

Сдаю себя с потрохами. Прикусываю язык, даже чувствую соленый привкус крови. Отрезвляет.

Олег отводит взгляд, смотрит куда-то в пол. Думает. Украдкой чешу кожу бедра. Волнуюсь.

- Мы знакомы? - он странно на меня смотрит. Сглатываю слюну. Главное не выдать себя. Дышу часто. Его взгляд опускается на грудь, и Олег заворуженно наблюдает за моим дыханием. Кожа покрыта мурашками, острые соски непозволительно близко к ткани рубашки. Стоит чуть податься вперед - и прижмусь к нему, почувствую его силу и мощь. Боже! Закатываю глаза от одного только представления об этом.

Мне хочется, чтобы он коснулся меня. Он, не чужой мужчина, что заплатил мне, а Олышанский. Мудак, предатель, женатый и несвободный человек, каким всегда и был.

- Нет, - улыбаюсь.

- Ты работала в одном из моих клубов? Официантка? - не отстает. Я жалею, что сказала. Еще немного, и он может догадаться. Сгорю со стыда. Утону в унижении и уничтожении.

Приближается ко мне. Его руку чувствую у себя на бедре. Он ведет ее вверх. Чуть-чуть и коснется трусов. Дыхание прерывается, становится поверхностным.

- Меня нельзя трогать, - уверенно говорю. Даже удивляюсь.

- Блять.

Носом проводит вдоль шеи, втягивает мой запах. Черт, и дышит мной. Так жадно. Втягивает воздух и шумно выдыхает. Плавлюсь вся. От кончиков пальцев до самой светлой своей макушки. Стоп, Олег не знает, что я блондинка.

Рукой слегка толкаю его. Меня потряхивает. Это от возбуждения. Да, один его голос, горячее дыхание, рука на бедре, и я теку. Если сейчас потрогать там, внизу, то он все поймет. Как сильно его хочу. А он под запретом. Моим личным запретом. Как теперь объяснить это телу? Предатель.

Олег недоволен, что не позволяю, запрещаю. Моя маленькая победа, к которой не знаю как относиться. Часть меня все еще сопротивляется ему. Помнит, последняя его фраза была настолько жестокой, что гнила внутри меня долго.

“Иди нахер, Нинель. Сейчас не до тебя”

Звоном раздается. Набатов.

- Что ты хочешь, Олег? - смотрю на него. Он расслаблен, даже доволен. Ему хорошо.

- Станцуй для меня. - Не вопрос. Утверждение. Или приказ.

- Если стриптиз, то я уже раздета, если ты вдруг не заметил.

Он обводит мое тело взглядом. Кожу начинает печь. Сильно так. Хочется чтобы подул на нее, остудил. Силой сдерживаю стон. Снова позорно сглатываю слюну.

- Приват.

Он из заднего кармана достают купюры.

И сейчас я чувствую себя низко. Он втоптывает меня в грязь. Она липнет ко мне голой. Не стряхнуть. Въедается. Я сама становлюсь грязью.

Встаю с удобного дивана. Нарочито медленно. Дохожу до середины комнаты.

- Олышанский, - разворачиваюсь на каблуках. Изучаю его всего: позу, выражение лица, как рубашка облепила его мышцы. Впитываю в себя, запоминаю. Соппротивляюсь из последних сил, но, черт возьми, мне нравится, как он смотрит на меня. Именно он. - Ты мудака!

Он смеется, запрокидывает голову и тупо ржет. Улыбаюсь. Его это не обижает, не злит. Только ... заводит еще больше. Закусывает нижнюю губу и смотрит, прожигая дья-

вольским огнем. Он греет так сильно, обволакивает своим пламенем. Но хрен он меня погубит им.

- А ты стриптизерша. Танцуй!

Глава 11.

- Дай мне свою рубашку! - обвожу его тело взглядом.

- Не понял, - Олег нахмурился. Ему не нравится такой расклад. Он хочет видеть меня полностью раздетой, а тут я прошу его одежду. Окутывает своим раздражением. Оно щиплет сильно, и хочется почесать горячую кожу, разодрать ее, унять это неприятное чувство.

- Дай. Мне. Рубашку, - повторяю, каждое слово чеканю.

Не знаю, откуда взялись силы. Может, это алкогольный коктейль? Я выпила его почти залпом. Чувствую себя словно в каком-то кино. Не порнушка, но днем бы точно показывать не стали. Много мата, откровенных сцен и вожаделенных взглядов, которыми стреляем друг в друга.

Олег нехотя расстегивает пуговицу за пуговицей, не отрывая хищный взгляд от моих глаз. Только изредка опускает его на шею, грудь, обводит бедра и останавливается на маленьком треугольничке трусов.

- Держи!

Он кидает в меня белой тканью. Я ловко ее ловлю, и меня сносит волна его парфюма: горечь и сладость. Он впитывается в меня. Я как обдолбанная вдыхаю его. Дышу часто.

Надеваю его рубашку, застегиваюсь. Теперь чувствую хоть чуть-чуть себя защищенной. Соски выступают через ткань. Уверена, что и цвет моей кожи можно различить.

- Тебе идет, - оценивает меня. Облизывается, словно уже готов сожрать.

А я вспоминаю, как после секса надевала рубашки его любимого голубого цвета и ходила так по квартире. На мне была только она. Чувствовала себя самой желанной, сексуальной. А он потом задирает ее и ласкал меня. Я чувствовала его руки в таких местах, что покрывалась румянцем. А Олег млел от этого, ему нравилась моя стеснительность.

- Нравится? - рукой обвожу шею и устремляюсь в ложбинку между грудей.

- Да. Но без рубашки ты тоже ничего.

- Ничего? - сверкаю взглядом. Это что еще такое?

Ухмыляется по-хищному. Опасно и обворожительно.

- Ну так покажи себя. Может, я передумаю.

Мудак. Снова хочется ругаться.

Он включает музыку на телефоне. Она негромкая. Но громко и не надо. Я хочу слышать наше дыхание.

Олег откидывается на спинку дивана. Поза расслабленная, ведь он готов получать удовольствие. Эстетическое, конечно же.

Я начинаю двигаться медленно. Растягиваюсь, томные движения, словно никуда не спешу. Впрочем, это так и есть.

Обвожу тело руками. Ласкаю сквозь тонкую ткань.

Хочется снять каблуки и танцевать босиком. Непонятное мне чувство.

Тихая музыка вливается в клеточки. Мелодия перетекает

плавно, как и все мои движения сейчас.

Если можно получать наслаждение от своего тела и танца, то сейчас именно такое состояние. Я нравлюсь себе, мне нравится мое тело, мой запах, что соединился с парфюмом Олега и теперь просто взрывает и рвет.

Не хватает только пилона. В голове зреет несколько круток, которые я бы исполнила у шеста. Такие порочные и открытые. Ольшанский бы заценил.

Олег смотрит и даже не моргает. Стал несколько напряженным. Его мышцы напряглись. Обвожу их взглядом. Красивый. Олег красивый. Его хочется касаться и гладить, очертить каждую мышцу.

Мои взгляд красноречивый. Он все видит и подмечает, только как-то грустно ухмыляется.

Расстегиваю верхние пуговицы его рубашки. И торможу себя. Питаюсь его эмоциями. Жадно. Пью их большими глотками, как бы не подавиться. И они такие вкусные, желанные.

- А так нравится? - не успокоюсь, пока он не признается, что ему нравится мое тело. Что он меня хочет.

Глупо поступаю, знаю. Эта игра, что мы затеяли. Я затеяла. Она пропустит меня и мои чувства через жернова снова. Я помню, чем все закончилось последний раз. Повторений не хочу. Но как жертва иду к своему хозяину.

Разряды тока бьют по чувствительным местам. Его взгляды острые, прокалывают меня. Я чувствую это.

- Дальше, - голос грубый, низкий. Ладони сжал в кулаки. И терпит. Знает, что нельзя касаться. Получи он мое разрешение, Олег бы не сидел на диване.

- Рубашку снимать полностью?

- Да, блять, - грубость, что возбуждением прокатывается по телу. Оно покрывается испариной. Кожа липкая. Ткань уже не будет так скользить.

Продолжаю расстегивать пуговицы. Дохожу до последней и отворачиваюсь от него. Перед ним раздеваться мне нравится.

- Так? - она падает на пол.

Я снова голая. Лишь черные маленькие трусики, которые мало что прикрывают.

И трогаю себя, трогаю. Боже, я в жизни столько не касалась своего тела, как сейчас. Обвожу, задеваю, надавливаю, щекочу - все, что хочется.

Буду наглой лгуньей, если не скажу, что я на грани. Коснись сейчас меня Олег, просто заживо сгорю на костре.

Где мое чувство стыда? Где моя уязвимость? Чувство собственного достоинства, в конце концов. Нет ничего. Только похоть в глазах, томление внизу живота, что порождает молнии - яркие, опасные и до боли сладкие - и его рычание. Боже, Ольшанский и правда зарычал как животное. Голодное, по-звериному страшное. Это должно пугать. А я наслаждаюсь им.

- Иди сюда, - приказывает. А я подчиняюсь. Ведь он мне

заплатил.

Подхожу медленно. Я нутром чувствую какой-то подвох. В глазах его черных плещется что-то нехорошее, дьявольское.

Дышу ртом. Воздух огненный. Он сдавливает горло, невозможно и пискнуть.

Олег показывает на свои колени. Я что? Должна на них сесть?

- Нет. - мотаю головой.

- Быстро! - он теряет терпение. А что будет, если послушаюсь? Убегу? Часть меня хочет посмотреть на это. Что же будет? А другая часть уже наслаждается его близостью.

Делаю еще несколько шагов в его сторону. Хочу обойти диван и сесть рядом.

Олег хватает меня за руку. Кожа в этом месте становится помеченной. Там ожог. Схватил сильно, руку не вырвать.

- Прекрати! - писк мой не слышит. Я его игрушка, а значит, делаю, все, за что он заплатил. Противно на душе становится. Получается, слово нет он от меня не примет. Никогда.

Ольшанский усаживает меня на колени. Его эрекция упирается мне между ног. Боже, он меня сильно хочет. И сама хочу простонать в голос от этих ощущений. Пульсация дикая. Молюсь, чтобы он не почувствовал, как сильно я его хочу почувствовать в себе, какая я мокрая. Белье... Какое нахрен белье? Клочок ничего не значащей ткани промок насквозь. Стоит встать и влажный след останется на его брю-

ках. Я умру со стыда. Даже в глаза ему больше посмотреть не смогу.

- Я же сказала нет, - пытаюсь достучаться до него. Бесплезно. Упертый и наглый мудака. Ненавижу. Хочу и ненавижу. Его, себя, клуб этот уродский, всех в этом клубе тоже видеть теперь не могу.

- Танцуй теперь так. Я насмотрелся уже. Хочу чувствовать твое тело.

Зависаю. Не двигаюсь. Смотрю в его черные глаза и даже не вижу свое отражение. Его губы сомкнуты в одну линию. Такую жесткую. Касаюсь ее кончиками пальцев. Меня бьет током. Пугаюсь. Кожу прокалывают, а ладони начинают потеть - обычная реакция на легкий разряд.

- Прости, - зачем-то извиняюсь.

Ольшанский даже не слышит мои извинения. Ведь он тоже чувствовал это покалывание. Возможно, ему было даже больно.

- Тан-цуй. - Слоги отчеканил.

Музыка все еще звучит из динамика телефона. Пытаюсь поймать ритм и начинаю двигаться. Бедрa, волновые движения - тягучие как патока. Руками цепляюсь за сильную шею и наклоняюсь корпусом к нему. Не прикасаюсь, дразню.

Его взгляд бродит по моему лицу, опускается к шее и груди. Рассматривает соски, обводит их взглядом. Он такой осязательный, что каждый миллиметр кожи его чувствует.

- Хочу прикоснуться к тебе. Можно? - он спрашивает раз-

решение? Олышанский. Спрашивает. Разрешение.

Конечно. Прикоснись ко мне. Хочу чувствовать твои губы на коже, твоя язык. Боже что же ты им раньше вытворял. Возносил так высоко, я боялась сорваться с этой высоты. И срывалась, а ты ловил. И смеялся. Твой смех еще долго я слышала. Во сне, на улицах, в фильмах. Он преследовал меня.

- Нельзя. Не разрешаю.

Олег шумно вбирает воздух, выдыхает и жжет.

Но не касается. Для него это такая же пытка, как и для меня. Только я вижу его, желания читаю, эмоции впитываю. Мазохистка какая-то. А сама молчу. Скрываю все как могу. Нельзя, чтобы понял, нельзя позволять ему больше, чем остальные. Мы и так уже на краю: я танцую ему в его же кабинете. Дурацкий какой-то служебный роман получается, неправильный.

- Блять...

Рука висает в воздухе. Музыка заканчивается. Грубо как-то ее прервали.

Олег пальцем касается моего соска и обводит грудь, потом сжимает. Он нарушил правило, забил на запрет.

Хочу кричать, что не надо. Тебе нельзя. А я смотрю как дура на него, в его глаза, опускаю взгляд на руку, что движется вниз к трусикам. Еще немного и пальцами уйдет за резинку.

И молчу. Сдерживаю стон удовольствия. И начинаю дро-

жать, так сильно, что бьет холодом. Резко так, покрываюсь льдом, а внутри все кипит как в жерле вулкана. Настолько полярно, что становится страшно. Безумно страшно от чувств, сложно передать.

- Ты дрожишь? - даже какие-то заботливые нотки слышу. Мать его, Олышанский, переживает?

- Холодно. Хочу одеться, - так нагло вру. Эту ложь нельзя не заметить.

- Тебе не холодно. Ты возбуждена, Нинель. Ты меня хочешь не меньше, чем я тебя.

Он тянется к шее, проводит по ней языком и оставляет влажный поцелуй.

- Вкусная!

А я не сдерживаю стон. Мычу что-то невнятное, прикусываю сильно губу.

Олег замечает это. Большим пальцем надавливает на нее, оголяет ряд зубов.

Только не останавливайся - шепчет грязная часть меня, которой нравится такой Олег. Другая же вопит. Ее желание скрыться в своем домике всепоглощающее. И кто же победит?

- Блядские губы...

Хмурюсь. Тонкая обида вырастает из самого центра.

Отталкиваю его от себя и быстро встаю на ноги. Отхожу. Пячусь назад. Теперь смертельно хочу прикрыться.

- Мудак! - шиплю по-змеиному. Впрыскиваю яд в каждый

звук.

- Мы это уже выяснили. Да, я мудака! - Олег злится. Его игрушка взбрыкнула, не позволила с собой играть. Я же она, да? Та, что за деньги танцует и выполняет прихоти.

Сверлю его взглядом. Ненавистным таким, словно он корень всего зла и всех моих бед. Тело все еще дрожит. Возбуждение не уходит. Оно волнами захлестывает, а потом накрывает снова, стоит его взгляду опуститься на мое голое тело и пройти по нему: шея, грудь, живот, лобок, бедра. Все открыто.

- Нахер пошла отсюда, - Ольшанский это говорит тихо, но так отчетливо. Каждая буква отдается болью. Невыносимой, как тупой бритвой по нежной коже. Режет, кромсает. С остервенением и злобой.

“Пошла нахер, Нинель. Не до тебя сейчас”

“Пошла нахер отсюда”

Собираю всю смелость, что есть. Ее так мало. Боюсь. Хочется защитить себя, ответить так же жестко. Чтобы тоже было больно.

- Хорошо. Но когда будешь дрочить сейчас в туалете, представляй меня. Ведь только это тебе и светит со мной.

Громко хлопаю дверью и быстро спускаюсь по лестнице. Хочу скрыться. Слезы начинают душить. Нельзя чтобы меня видели такой.

Глава 12.

Сбегаю по лестнице так быстро, что чуть не падаю на последней ступени. Ноги заплетаются, слезы душат. Руками обхватила себя, чтобы хоть как-то прикрыть наготу. Я до безумия чувствую себя униженной и уязвленной.

Добегаю до нашей небольшой гримерки. По сторонам не смотрю. Боюсь увидеть на себе чужие взгляды. Их же много, тех, кто смотрит и что-то выдумывает в своих головах, осуждает, порицает. А потом смотрят на тело и хотят его. А если представить, в каком состоянии я убегала из кабинета Олышанского - волосы дыбом встают, как я выглядела со стороны.

- Эй, ты чего? - Астра медленной походкой выходит из гримерки. Мы чуть не сталкивается.

- Я...

Господи, рассказать ей все? Или как обычно промолчать, скверно улыбнуться и пойти дальше? Мучаюсь. Ненавижу, когда не могу принять какое-то решение. Кажется, что, чтобы я не сделала или не сказала, все равно осудят, поругают, втопчут в грязь.

- Сложный приват сейчас был, - позорно опускаю голову. Отчего-то не смогла все рассказать. Что-то останавливало. Может, интуиция, а может снова страх, что не поймут и не услышат.

- Ой, не говори. Один тут вообще ко мне в трусы полез, начал там ласкать, гладить. Я от его наглости даже язык проглотила.

- И... - шумно вбираю воздух, поправляю прядь волос. Хочется спросить, как она выкрутилась из этой ситуации, что говорила, - ты просто терпела?

- Дала ему минутку понаслаждаться моим телом и предупредила, чтобы больше так не делал. Я за пять тысяч только даю смотреть на себя. Ну, слегка коснуться, уж ладно. Но больше ни-ни, - Астра говорит это так уверенно, со знанием дела. И главное, она не чувствует себя как использованный презерватив.

А меня окатывает холодным потом, стоит представить, что тот мужик с именем Алексей касался бы меня там. Даже слово вымолвить сейчас тяжело от одной только подобной мысли. Неправильная я стриптизерша. И чем быстрее я наберу нужную сумму, тем скорее надо отсюда уходить. Нет, убегать.

Только воображение начинает рисовать вместо сальных пальцев теплые руки Олега... готова стонать в голос, даже если не хватит дыхания, даже если воздух накалится до предела.

- А с тобой точно все хорошо? Вид какой-то потерянный. Тебя обидели? Ты не молчи. Сразу рассказывай! - Астра не уходит. Все вглядывается в меня. А я вдруг понимаю, что хочу остаться одна и перевести дух.

- Все хорошо. Просто нужно воды попить, - вру я. Огибаю Астру, чтобы уже наконец зайти в нашу гримерку. Главное, чтобы еще Зарина не решила посетить нашу скромную обитель развратных стриптизерш.

- Ну ладно... О, - не отстаёт от меня. Я стараюсь улыбаться, а во взгляде, готова поспорить, читается нетерпение и желание уже уединиться, - ты знаешь, что следующая наша смена с тематическим выступлением?

- Не поняла... - ощущение, что меня загоняют в угол. Теперь и костюмы будут выбирать за нас?

- Ага... красная вечеринка. Классно, да?

- Очуметь, - я и не стараюсь придать голосу радости. Меня вообще мало, что здесь может порадовать. Разве только конец смены.

- Все, я побежала. А то только один приват сегодня был. Мало, очень мало, - Астра задумалась о чем-то.

Рассказав мне все, что успела накопить за последние несколько часов, она уходит. В гримерки я теперь одна.

Астра расстраивается из-за одного привата, я же радуюсь, что был только один. А Ольшанского считать?

Деньги. Он же мне заплатил за него в три раза больше. Щедрый какой. А я мерзкая, раз думаю над тем, что забыла их забрать. Хочется вернуть их. Как никак заработала.

Но при мысли, что снова подниматься к нему, видеть его такого возбужденного, дикого... Черт, жар опять волной захлестывает.

Опускаюсь на свой стул и лицом утыкаюсь в гримерный столик.

Желаю завять от бессилия. В ногам будто привязали гири, а руки намертво приросли к телу. Не сдвинуть.

Может, я правда переоценила свои силы?

- Эй, ты почему здесь? - дверь резко открывается. Успела даже испугаться. Ненавижу, когда люди так делают.

Игнат выглядит рассерженным. Злой прищур глаз, брови сдвинул к переносице. И веет от него какой-то непонятной мне злобой.

Я все еще голая. И вспоминаю, как после таблетки Астры я задавала какие-то вопросы, которые не решусь задать будучи в адекватном состоянии. И кажется, смотрела на него как на мужчину. Настоящего мужчину. Подходила непозволительно близко, касалась. И запах его помню. Он мне понравился.

Закатываю глаза и немного отворачиваюсь от него, лишая хорошего обзора на мою грудь. Глупо себя веду, знаю.

- Пришла немного отдохнуть. Нельзя? - говорю с вызовом. Как умею.

- Можно, почему нет, - разводит руки в сторону. Но злость во взгляде так и не уходит.

- Тогда, - закусываю губу, тереблю ее, - ты не мог бы выйти?

Его взгляд становится с налетом наглости. Он не уводит его в сторону, абсолютно понимая, что мне некомфортно.

Смотрит, изучает, сканирует.

- Пожалуйста, - стараюсь произносить мягко. А у самой уже снова слезы на подходе.

Игнат прикрывает за собой дверь и проходит в комнату. Паникую, сильно так. Мой взгляд мечется в разные стороны. Зачем - не понятно. Словно ищу чего-то, что мне поможет. Прикрыться? Защититься? Что?

Дышу часто. Воздух стал кислым, и нос начинает щипать. Украдкой смахиваю слезу, чтобы она осталась незамеченной.

- Стесняешься?

Игнат медленной походкой подходит к моему столику, облокачивается на край и сверлит своим взглядом. Теряюсь.

- Не стоит. У тебя шикарное тело, Нинель... - мое имя звучит мягко, невесомо. Я бы даже сказала красиво. Если бы оно прозвучало в другой обстановке, а не в стриптиз-клубе. И я бы не была голой, а Игнат полностью одетым.

Молчу. Нахожусь сейчас на грани и состояние какое-то пограничное, опасное. Игнат перебирает прядь волос моего парика. И я рада, что это именно он, а не мои настоящие светлые волосы.

- А какие они у тебя вообще? Какого цвета? - он помнит, что на прослушивании я призналась: у меня парик.

Молчу. Прикусываю язык. Отвернулась от него. Главное, чтобы не расценил, как неуважение. И стараюсь унять дрожь в руках. С каждой проведенной рядом с ним секундой она

усиливается. Такое внимание мне некомфортно.

- Танцевала? Для *него*?

Мы оба понимаем, кто такой *он*.

Перед глазами начинают крутиться воспоминания: его рубашка, бокал красного коктейля, деньги, много денег и как он бросил их на столик. Я сижу у него на коленях, чувствую его эрекцию, нахожусь в миллиметре от его кожи. Она горячая. И запах горечи, который я теперь чувствую на языке.

Стреляю ядовито на Игната. Взгляд исподлобья. Да и пусть он увидит в этом неуважение или провокацию! Мне просто больно. Сладко, а потом больно. Воспоминания все такие. До приторности приятно и до невозможности больно.

- А мне? Станцуешь?

Стук сердца дикий, на разрыв. И чувства... их словно нет. Все похоронено под обломками.

Резко поднимаюсь с места. Не прикрываюсь. Пусть смотрит. Но взглядом хочу его убить. Чтобы мучился сначала, а потом вгрызться ему в глотку и убить. Какая, оказывается, Нинель жестокая.

Игнат опускает взгляд на мою шею. Возможно, там еще виден жадный поцелуй Ольшанского. Тонкую кожу начинает печь. Он проходится по груди, и улыбка на его лице с каждой секундой становится шире. Она красивая, правда. Но не теплая.

- Почему ты пошла в стриптизерши? Ну правда? Ты же... смотришь сейчас на меня и просто готова убить, - догадли-

вый ублюдок. - А здесь так нельзя, Нинель, - говорит чуть строже. Он ведь босс, так положено: контролировать нас - стриптизерш, - проверять, а еще просить танцевать ему. Интересно, он захочет сделать то же, что и Ольшанский? Посадить меня на колени, трогать?

- Тебя это не касается, - грубо отвечаю.

- Касается, Нинель, - его улыбка сходит. Теперь чувствую угрозу. - Если к тебе клиент подойдет, и его так будешь сверлить и уничтожать? Представляешь, что произойдет?

- Что?

- Дуру из себя не корчи, - злится. Снова злится. - Вылетишь отсюда. А если тебе нужны деньги, то как миленькая будешь играть и удовольствие, и радость, и счастье. Ловить кайф от того, что тебя касаются, пусть тебе это и не нравится. Танцевать, раздеваться, брать за это деньги.

Я чувствую, как меня потряхивает от гнева. Горючего такого, жидкого. Льется по всем венам и артериям и никак не может вылиться наружу. И мучаюсь от этого только я.

- Приват хочешь? Хорошо. Идем.

Мои шаги жесткие. Внутри зреет бешенство, злость и обида. Их так много, и они такие сильные. Невозможно разобрать, что из этого всего важное. Важное ли это вообще?

Хватаюсь за ручку двери. Игнат так и остался стоять, прислонившись к столику. Только взгляд направлен в мою сторону. Я чувствую, как он жжет мою спину.

Останавливаюсь. Зачем-то. Перевожу дыхание и стараюсь

унять бешеное сердцебиение, вызванное той смесью чувств внутри меня.

- Нинель, - растягивает он мое имя. Снова мягко. Прикрываю глаза. Боже, как я хочу, чтобы это все прекратилось, - иди в зал.

- Передумал на меня смотреть в приват-комнате?

- Нет, - грустно ухмыляется и уже не смотрит на меня, не жжет своими теплыми глазами. - просто... возвращайся в зал...

Открываю дверь и переступаю через порог. Безумно хочу остаться в этой комнатке. Даже один на один с Игнатом. Я вдруг отчетливо поняла, что он не причинит мне зла и не сделает того, чего бы мне не хотелось. Оливку в рот силой пихать не будет и нахер не пошлет.

- Нинель... Ольшанский, он...

Игнат тормозит себя. Практически силой. И обдумывает дальнейшие слова. Если, конечно, он решится на них.

- Олег не самый порядочный и мягкий человек.

Хочется орать во все горло, что знаю. Я. Это. Знаю.

- У него в жизни такое испытание случилось. После этого люди черствеют, а может, и вовсе перестают чувствовать.

Сердце предательски простреливает. Колоть начинает. При каждом вдохе отзывается эта колкость. И дышать становится сложнее, потому что больно.

- Это если вдруг ты посчитала свое посещение его кабинета как нечто большее, нежели обычный приват в комнате.

- Я и не думала, что это нечто большее.

- Вот и хорошо. Иди в зал, - напоминает мне. И тон меняет. Теперь там нет мягкости.

- А испытание, про которое ты говорил.... - снова колет, снова больно. Возможно, и Олегу тогда было больно. Я понимаю, что не хочу этого. Я не хочу, чтобы ему было больно. Хоть он и мудака и поступил со мной как настоящий козел.

- В зал. Иди.

И я выхожу, прикрыв тихо дверь. Игнат остался в гримерке. Отвернулся от меня. Теплые глаза свои спрятал, ничего в них нельзя было уже прочесть.

Глава 13.

Аленка будит меня рано. Мне сложно разлепить глаза, делаю это с таким усилием, что сама себе завидую.

На часы даже смотреть не хочу. Боюсь узнавать, сколько сейчас времени.

- Мам, мне бабушка все время говорит, что кто рано встанет... - делает театральную паузу. И где только этому учиться? - тому Бог подает, - интонации учительские, головой кивает. Огоньки только во взгляде еще детские, озорные.

Ну вот как на нее злиться или обижаться? Пусть хоть еще раньше будит, только бы видеть их в ее глазах.

- И что это значит?

Мы все еще в кровати. Аленка утром очень говорливая. Постоянно рассказывает истории из садика, из художественного школы и приправляет все дурацкими шутками Артемки. Тот парень взрослее, а еще шустрее и быстрее. Не поспевает она за ним, а очень хочет. Вот и повторяет.

- Не знаю. Бабушка дальше ничего не рассказывала.

- А ты у нее спроси в следующий раз. Глядишь, интересное что-то выдаст, - даже самую любопытство съедает, что такого может выдумать моя мама. - Аленка, ты точно больше спать не будешь?

- Неа, - уверенно заявляет. Ничего и не добавишь больше.

- И даже просто не лежишь?

- Неа.

Тяжело вздыхаю. Тело само тяжелое, ноги свинцом налились.

- Пойдем тогда завтрак готовить, принцесса!

- Кашу я не буду.

Начинается... Закатываю глаза. По плану идут мои доводы и убеждения, что каша полезна, особенно для таких маленьких и хитрых девочек. Но ... на Алену они никогда не действуют. Упертая и упрямая она точно не в меня.

- Ален, каша она...

- Невкусная и мерзкая. Буэ!

А потом я смотрю на ее вздернутый носик и нахмуренный взгляд. Руки скрестила на груди, смотрит строго, с долей надменности. Понимаю, что не хочу заставлять или шантажировать ее как меня когда-то в детстве. Помню, мама отбирала любимую игрушку, когда я отказывалась есть ее еду. Угрожала, что выкинет единственную куклу, если не сделаю то, о чем просят. Повторить подобное не смогу. Со своим ребенком так не смогу. У меня сердце расщепляется при мысли, что Аленка уйдет в комнату и будет там плакать от обиды. Как я. Обида эта с каждым годом будет расти внутри ее маленького сердечка. И вырастет до таких размеров, что в один прекрасный момент она поймет - "я не люблю свою маму".

Это смерти подобно.

- А что ты хочешь?

Она задумалась. Не ожидала такого от меня. Думала,

опять уговаривать начну.

- Может, чай с печеньем? Или бутерброды с сыром? - помогаю сделать выбор. Смешная она сейчас. И уютная.

- Ну давай чай и печенье. Мне нравится, - улыбка озаряет ее лицо, глаза начинают светиться еще больше, становятся медовыми.

Она усаживается на свой стул. Там везде наклейки с ее любимой Эльзой. И тарелка, на которую я сейчас положу печенье, тоже будет в нежно-голубых оттенках с блондинкой в середине. И чашка, и даже вилка с ложкой.

- Мам, - Аленка кричит громко. Пугаюсь, - а можно я тебе помогу?

- Давай.

Аленка спускается со стула, двигает его по полу с противным скрипом ко мне и снова забирается на него. Довольная такая, что разрешили.

- А бабушка не разрешает.

Я так хочу рассказать, что и мне в детстве не разрешала. А если что-то делала сама, училась, то только ругала потом. "Неряха", "Криворукая", "бездарная"... что еще было? Память, наверное, стирает самые обидные обзывательства.

Вспоминать это всегда неприятно.

Помню только одного человека из прошлого, который меня хвалил.

Как-то готовила ужин. Он обещал заехать поздно вечером. Потому что... нужно было уложить дочь. Я долго пла-

кала после этой фразы, но ни слова не сказала ему в ответ.

Олег и правда приехал поздно. Голодный во всех смыслах этого слова.

Сейчас от этих воспоминаний такие мурашки по коже бегают. Приятные. Тело отзывается на эти картинки из моей памяти. Он ел то, что я приготовила. Боже, это была самая обычная еда: картошка и котлеты. А он наворачивал, словно это самый изысканный и желанный ужин в его жизни.

И хвалил. От одного только “пиздец как вкусно” готова была все отдать. И тело, и душу. Вся была его, до последней клеточки.

- Мам, - дочь возвращает меня с небес на землю. В то время я и правда была именно там, где хорошо, мягко и спокойно. - Чайник готов.

- Правильней будет сказать вскипел.

- А мне нравится по-другому, - вредная какая. Снова на-супилась.

Мы вместе завариваем вкусный чай с кусочками каких-то фруктов. Он очень нравится Аленке. Высыпаем печенье. Снова Аленкино любимое. И завтракаем. По-семейному спокойно сейчас.

Мы вместе потом убираемся дома, гуляем. Обходим все любимые Аленкины площадки. Доходим до ее садика. Сегодня выходной, он закрыт. Но Аленка упорно ведет меня к забору. Там цветы посажены вдоль ограждения. И они своей группой за ними ухаживают, поливают.

Аленке нельзя в обычной городской садик. Точнее, на ее диагноз просто там не будут обращать внимание. А Аленка еще слишком мала, чтобы объяснять взрослым, что ей можно есть, а что нельзя, какая активность нужна, а какая противопоказана.

Мы нашли другой выход. Частный сад. Хорошо, что тот оказался недалеко от дома. Можно ли вообще сказать, что нам повезло в этом? Не думаю.

- Лидия Константиновна сказала на следующей неделе принести растение, которое у нас дома выросло. Показать результаты. Где оно, кстати, мама?

Останавливаюсь и смотрю на Аленку. Та медленно вышагивает вдоль забора, проверяет эти самые яркие цветочки.

- Растение?

- Ну цветок, - Аленка пальчиком пытается дотянуться до ближайшего цветка. Язычок высунула от усердия.

Шумно вбираю воздух. До хорошей мамы мне еще долго и долго.

- Пойдем в цветочный. Выберем.

- Мы что? Будем покупать?

- Угу, - даже грустно как-то стало. Представила, как бы радовалась Аленка, если бы мы сами посадили семечко и наблюдали, как оно прорастает, появляются первые листочки, а затем, возможно и бутон.

- Тогда я хочу... - Аленка снова обдумывает.

На лице хитрая улыбка. Задумала что-то хулиганское. Это

влияние Артемки. Он еще тот хулиган!

- А давай выкопаем из сада, а? - шепчет мне на ушко, стояло присесть на корточки.

Начинаю смеяться. Понимаю, что не надо так делать. Аленка обидеться может. А сдержаться не могу.

- Нет, Аленка. Пойдем с тобой выберем другой цветок. В магазине.

Нахмурилась. Но перечить не стала. А в голове у меня уже сложилась сотня аргументов, почему так делать нельзя.

Да, пожалуй, и в таких сложных ситуациях я чувствую себя все равно счастливой. Ненадолго.

Заходим домой с ней, Аленка весело хохочет. В руке у меня горшок с розой. На упаковке была наклейка с Эльзой. В этот момент я возненавидела всех, кто причастен к этому обману. Потому что не улавливаю связи цветочного магазина, бордовой розы и диснеевского мультика. Но зато Аленка быстро заценила этот ход.

Мы даже успели заскочить перекусить в кафе недалеко от дома. Прогулка была долгой и качественной. Свежий воздух необходим ей, как и умеренные нагрузки.

Уставшей сейчас такой выглядит. Глазки закрываются. Знаю, что уснем сегодня вдвоем раньше обычного. Аленка без дневного сна, а я ... вообще без нормального сна уже много-много месяцев. Не помню вообще, когда я полноценно спала ночь.

Стук в дверь громкий. Нежданный гость прошел к нам

минуя домофон. Переглядываемся с Аленкой и одновременно пожимаем плечами.

- Ты кого-то ждешь? - спрашиваю Аленку. Играю.

- Нет, - она даже пугается немного. А я теряюсь.

Подхожу к двери и смотрю в глазок. Дальше не знаю... То ли облегчение, то ли сожаление.

- Привет, мам, - говорю нейтрально.

Она выглядит расстроенной и злой. Впрочем, как и обычно. И всегда меня это задевает. Подсознание подкидывает мысль - я в чем-то виновата. Из-за меня она злится, я что-то натворила. Только взрослая я этому сопротивляется из последних сил.

- Пропустишь, может? - голос повышает. А я отступаю в сторону.

В душе клокочет обида. Это ведь только приветствие, всего лишь просьба. Но она уже пропитала ее каким-то пренебрежением и высокомерием.

- У тебя что-то случилось?

- В смысле? Ты же должна была сегодня на свои танцульки идти?

Сердце частит. Понимаю, что перепутала что-то, действительно стала виноватой и начинаю безумно переживать. Слова застревают и мысли путаются. Сама возвращаюсь в детство.

Только сейчас я уже другая. Пытаюсь стать другой. Я взрослая. У меня есть дочь.

- Извини, я сбилась с графика и что-то напутала. Сегодня у меня выходной. А вот вечером завтра выхожу. Буду благодарна, если посидишь с Аленкой.

Мама поджимает губы. Лицо такое недовольное, что вот-вот готова разразиться тирадой. Жду ее. Прекрасно знаю, о чем она будет.

И больно. Всегда.

- Ты вообще нормальная? Я значит, все бросила, с работы отпросилась пораньше, чтобы доехать вовремя, а тут на тебе. Она, видите ли, выходная.

- Извини. - Говорю тихо и опускаю взгляд вниз. Мне всегда будет больно это слышать. Наверное, следует это просто принять.

- Чай хотя бы поставь. Летела сломя голову к непутевой дочери. Устала.

Молча бреду на кухню. Ставлю чайник. Все движения до невозможности простые, но пропитанные тяжестью. Я делаю это все через силу.

Мама проходит на кухню и садится на стул. Сверлит взглядом, рассматривает меня со спины.

Аленка заходит на кухню и просто здоровается с бабушкой. Ни тебе объятий, ни поцелуев, ни веселого смеха. Даже улыбки и то нет. Скупое приветствие.

- Ты почему босиком? - Аленка смотрит на свои ножки. Дома тепло, я не вижу смысла надевать их. Тем более ноги у нее всегда горячие, огненные. - Заболеть хочешь? Мне неко-

гда будет с тобой сидеть дома, пока мать твоя ошивается где-то.

Аленка смотрит на меня, а в глазах читаю непонимание.

- Мама, при Аленке давай без подробностей, пожалуйста, - прошу ласково. Как могу. Но саму воротит и от этих фраз, и от моей интонации.

- А что? Стоит только ей с соплями домой прийти. Все. Понеслось. Звонки, просьбы. Тебе надо с ребенком дома быть, а не на других скидывать.

Чайник закипает. Со звоном ставлю чашку, наливаю кипяток. Он, конечно же, разливается. Под чашкой образуется небольшая лужа.

- Вот ты криворукая. Давай сюда. Сама себе сделаю.

Маленькая девочка внутри меня уже плачет. Ей так горько. Обида огромная. А высказать ее не получается. Слова теряются.

Отхожу от стола и наблюдаю за мамой. Она осунулась за последние годы. Одежда опрятная, но фасон прибавляет ей возраста. Значительно так. Ведь ей всего сорок пять. Она родила меня так же рано, как и я Аленку. Но почему-то я не встретила в ней ту, что поддержит. Скорее наоборот. Она свои переживания, свои обиды вымещала на мне. На маленькой девочке Нине.

Аленка прижимается к моей ноге, уткнулась. А я сжимаю ее плечо. Крошка моя. Я так боюсь стать такой же озлобленной, как и моя мама.

- Печенье!

Достаю с верхней полки упаковку свежего печенья, выкладывая на тарелку. Жду банального спасибо. И, конечно же, не слышу его.

- Ты придешь завтра?

- Приду. Ребенок не виноват, что у него такая мамашка.

Бьет по-живому. Родной человек, близкий. Мама. А рана от ее слов такая, что вздохнуть больно.

- А я виновата, мам?

- Ты о чем?

- Ты сказала, что ребенок не виноват. Я ведь тоже когда-то была ребенком.

Она только фыркает в ответ. Но взгляд свой отводит. А я хочу посмотреть ей в глаза. Они ведь такие же как и у меня - голубые. Раньше мне хотелось быть на маму похожей. Ведь она мне казалось самой красивой.

Мама шустро проходит в коридор, спешно обувается. Мой вопрос ее застал врасплох. Может, в глубине души она и чувствует вину, но никогда в ней не признается. И прощение никогда не попросит.

- Во сколько завтра приехать? - голос кажется уже мягче. Или это все игра воображения. Хоть бы это было не так. Я каждый раз надеюсь на чудо.

- Как и сегодня, - опускаю взгляд, вспоминая, что перепутала даты. - К семи.

- Ладно. Приеду.

- Мам, - зачем-то торможу ее. - Мам, ты меня любишь?

Жду ответа. Даже не дышу. И маленькая девочка внутри меня тоже ждет. Отчаянно так, с такой надеждой, что душа может не выдержать.

- Иди Аленке носки одень! Простудится ведь ребенок. А у нее астма, ей нельзя болеть. Помню, когда на скорой ее увезли с приступом.

И она с хлопком закрывает дверь. Из моих глаз катятся слезы. Это той маленькой девочки, чья надежда угасла насовсем.

- Пока, мам, - говорю я закрытой двери.

Глава 14.

Аленка засыпает, как я и думала, очень быстро. У меня сон пропал. Ворочаюсь с боку на бок - заснуть не получается.

Тихо встаю и прохожу на кухню и прикрываю за собой дверь.

Телефон верчу в руках. От этих монотонных движений только нервничаю. Они не успокаивают.

Я помню в детстве один день. Он был самым счастливым для меня. И был таковым до встречи с одним человеком - Олегом.

В то лето мама работала в какой-то маленькой фирме. Чем она там занималась и кем работала, я не знала. Меня это не интересовало. Главное, что дома она появлялась раньше обычного, и ей часто удавалось забирать меня из сада в положенное время. Мне было всего пять лет.

В день моего пятилетия мама повела меня в кафе, где она работала когда-то официанткой. Мы заказали то, что хотелось мне: мороженое, много мороженого, какие-то сладкие коктейли и пирожные. Мама позволила мне все это съесть. Разумеется, после порции одного мороженого, на большее меня не хватило. Но я помню, как мама улыбалась, смотрела на меня и была такой счастливой. И я тоже. Казалось, что теперь она станет другой. Мне так этого хотелось. Я ведь за-служила.

Это было всего лишь одно хорошее воспоминание из детства.

А Олег...

Мы с ним встретились в баре, где я работала. В институт не поступила, оказалась не такой умной. Пришлось выкручиваться, чтобы скопить денег на репетиторов, которые бы подготовили меня к экзаменам лучше, чем я сама.

А еще я мечтала заработать на свою учебу. Если бы не прошла на бюджет, то оплатила бы свое обучение. Маме бы не сказала, точнее рассказала бы, что поступила на бесплатное отделение. Она бы мной гордилась. Хотелось видеть радость в ее глазах и объятий, много искренних объятий.

Целый год я потратила на это. Но так и не накопила нужную сумму. Оказывается, таких денег не заработать будучи официанткой, а куда-то еще меня без образования не брали.

Олега я заметила сразу, как только он зашел в помещение. Важный, смотрит на всех коршуном и немного свысока. Сразу видно, он здесь случайный гость.

А сердце вдруг часто застучало. Никогда оно не билось с такой скоростью, как тогда. Я смущенно опустила взгляд и скрыла улыбку. Она как-то растянулась, даже не заметила.

- Добрый день. Что будете заказывать? - ноги тряслись тогда нещадно. Я видела это. Он видел. Но молчал. Поглядывал с любопытством то на меня, то на мои руки и нагло ухмылялся.

- А тебя можно?

Я опешила. Ни слова не могла произнести. И уставилась в его ореховые глаза. Может, язык проглотила, когда увидела их. Они были бессовестные и бесцеремонные.

- Прошу прощения...

Нахожусь не сразу. И мой голос звучит будто со стороны. Молоденькая девушка Нина никогда не сталкивалась с такими мужчинами. Мой максимум это одноклассник и его слюнявые поцелуи за домом. Мерзость. Даже сейчас вспоминаю, а теплоты нет.

- Ну... тогда кофе принеси мне. И... - взгляд устремляется в меню. Изучает. А я изучаю его. Он старше. Ему на тот момент было лет тридцать, не меньше. Мне он казался очень взрослым. - Пожалуй, только кофе.

Киваю и убегаю. Я правда от него бежала. Зашла на кухню, прислонилась к холодному кафелю лбом и ... улыбалась. Боже, я так улыбалась, что боялась посмотреть на себя в зеркало. Щеки горели. Я не знала как себя с ним вести, что говорить. Его наглость обезоруживала и подкупала. И сам он пропитался такой энергией, что сносит все на своем пути. Опасный, заманчивый, дикий.

Я несла ему кофе трясущимися руками. Боялась его пролить.

Наши пальцы коснулись, когда я ставила его маленькую чашку на стол. Покалывание горячими иглами повредило мою кожу, оставило следы.

И страшно стало. Ведь мне понравилось. Я захотела еще.

- Тебя как зовут? - голос его пробирал до мурашек. Вибрация заставляла дрожать каждую клеточку. Тогда я и попала в его ловушку. Быстро. Не прошло и пяти минут.

- Нина.

- Нина, - зачем-то повторил он тогда. Вышло очень вкусно. Словно оно десерт к его кофе. Я десерт.

- А я Олег.

Он приходил в этот бар часто. Заказывал кофе и наблюдал за мной. И каждый раз сердце отбивало несвойственный ему ритм. Я краснела, бледнела, была сама не своя, когда он рядом. И сдавалась окончательно.

Первое свидание, на котором он сразу сказал, что женат и у него есть дочь. Мне бы бежать, а я не смогла. Сидела, слушала и плакала в душе. Ведь этот мужчина никогда уже не будет моим. И сколько мне отмерено с ним времени - неизвестно. Я наивно верила в лучшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.